

Санкт-Петербургский государственный университет

ЕРЁМЕНКО Денис Олегович

Выпускная квалификационная работа
**Проблемы и перспективы китайских инвестиционных проектов в
странах Тропической Африки**

Уровень образования: Бакалавриат
Направление 41.03.05 «Международные отношения»
Основная образовательная программа
СВ.5034.2017 «Международные отношения»

Научный руководитель:
Доцент кафедры мировой политики
Кандидат политических наук
Ковалевская Наталья Владимировна

Рецензент:
Президент группы компаний Bossner, Германия
Лоскутников Константин Генрихович

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические основы китайского инвестирования в страны Тропической Африки.....	7
1.1. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму реалистской парадигмы международных отношений.....	7
1.2. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму либеральной парадигмы международных отношений.....	10
1.3. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму неомарксистской парадигмы международных отношений.....	13
Глава 2. Становление и принципы китайского инвестирования в страны Тропической Африки.....	17
2.1. Формирование китайской инвестиционной стратегии.....	17
2.2. Китайские инвестиционные проекты.....	23
2.3. Становление современных инвестиционных отношений между Китаем и странами Тропической Африки.....	34
Глава 3. Влияние китайских инвестиций на социально-экономическое положение в странах Тропической Африки.....	45
3.1. Различные последствия китайского инвестирования в страны Тропической Африки.....	45
3.2. Кейс китайских инвестиций в инфраструктурные проекты в Восточной Африке.....	54
3.3. Кейс китайских инвестиций в рыбопромышленный сектор Западной Африки.....	59
Заключение.....	66
Источники и литература.....	70

Введение

Актуальность темы исследования. За последние несколько десятилетий Китайская Народная Республика стала одним из ведущих игроков на мировой политической арене. Экономическая мощь является основой того огромного потенциала Китая, который мы можем наблюдать сегодня. После начала политики «реформ и открытости» Китай прошел путь от получателя иностранных инвестиций, которые дали ему сильный толчок для дальнейшего развития, до одного из крупнейших инвесторов в мире. На данный момент инвестиции китайских государственных и частных компаний, являющиеся одной из основ внешнеэкономической деятельности Китая, можно проследить практически во всех странах, что наделяет данное государство беспрецедентным потенциалом влияния в современном мире. Китайский капитал стремительно проникает во всевозможные отрасли экономики, что вызывает множество опасений среди других государств, которые стремятся не допустить доминирования Китая на международной арене. В связи с этим множество спекулятивных политических заявлений в адрес Китая могут серьезно исказить восприятие истинных инвестиционных стратегий государства. Таким образом, тщательное и объективное рассмотрение принципов и характера зарубежного инвестирования китайских экономических единиц необходимо для формирования непредвзятого научного представления о роли Китая как одного из лидеров в системе современных международных отношений.

Практически с самого начала вывоза китайского капитала за рубеж страны Тропической Африки¹ находились в поле зрения китайских инвесторов. Постепенно наращивая интенсивность инвестиционного сотрудничества с регионом, на сегодняшний день Китай стал одним из крупнейших инвесторов в страны Тропической Африки. Африка южнее Сахары является важным звеном в системе китайской государственной инициативы пояса и пути, запущенной в 2013 г., а также одним из популярных направлений для частных китайских инвесторов. Осуществляя беспрецедентные вложения в развитие инфраструктуры в регионе и расширяя свое экономическое присутствие в нем, Китай вызывает большие опасения со стороны других стран, которые по тем или иным причинам обвиняют его в эксплуататорской, неокOLONIALной политике в Африке. В данной

¹ В данном исследовании термины «Тропическая Африка», «Африка южнее Сахары», «Субсахарская Африка» и «Черная Африка» тождественны

ситуации необходимо сформировать научное представление о целях, методах и результатах китайской инвестиционной политики в Тропической Африке для понимания истинного характера взаимодействия одной из сильнейших мировых держав со странами стратегически важного региона. Данное исследование фокусируется на последствиях деятельности китайских инвесторов для социально-экономического положения стран Африки южнее Сахары.

Объектом исследования являются трансграничные инвестиционные отношения в современном мире.

Предметом исследования выступают инвестиционные отношения между Китаем и странами Африки южнее Сахары.

Цель исследования – определить социально-экономические последствия размещения китайских инвестиций для стран Тропической Африки.

Задачи исследования:

- Рассмотреть китайское зарубежное инвестирование с точки зрения основных теорий международных отношений;
- Изучить причины и предпосылки становления современной зарубежной инвестиционной стратегии КНР;
- Классифицировать и охарактеризовать основные типы китайских инвестиционных проектов за рубежом;
- Изучить причины, предпосылки и перспективы инвестиционных отношений Китая со странами Тропической Африки;
- Определить характер и степень воздействия разных типов китайских инвестиций на различные аспекты жизни в странах Африки южнее Сахары;
- Рассмотреть кейсы различных китайских инвестиционных проектов в регионе.

Новизна работы заключается в разделении понятия «китайские инвестиции» на частные и государственные для дальнейшего анализа. Большинство исследователей используют собирательное понятие китайских инвестиций в Тропической Африке, исследуя их влияние на жизнь в регионе. Такой подход не предполагает различия между воздействием данных двух типов капиталовложений. Предлагаемый подход позволяет оценить влияние частных и государственных китайских инвестиций на социально-экономическое положение стран Тропической Африки, а также сравнить их.

В данном исследовании использованы следующие **методы**: индукция, кейс-стади и сравнительный. Индуктивный метод позволяет сделать выводы об общих характеристиках инвестиционной стратегии и мотивах Китая в Тропической Африке, исходя из репрезентативных примеров инвестиционных проектов. В рамках кейс-стади рассматриваются конкретные примеры частных и государственных китайских инвестиционных проектов, которые отражают специфику китайского инвестирования в регионе. Сравнительный метод позволяет сопоставить частные и государственные китайские инвестиции и выделить их общие и различные черты в случае с капиталовложениями Китая в страны Африки южнее Сахары.

Степень научной разработанности. Теоретические аспекты инвестирования как внешнеэкономической деятельности акторов международных отношений рассматриваются представителями различных школ международных отношений. Многообразие концепций международных отношений определяет степень изученности инвестирования за рубежом с позиций разных теорий. Среди зарубежных теоретиков международных отношений, работы которых использовались при написании данной работы, можно выделить Г.Моргентау,² К.Уолтса,³ Э.Карра, И.Валлерстайна;⁴ среди отечественных – П.А.Цыганкова,⁵ В.И.Ленина,⁶ О.Б.Игнаткина,⁷ Ю.В.Вахрушева.⁸

В изучении характерных особенностей эволюции китайской инвестиционной политики мы опирались на работы таких зарубежных исследователей, как К.Дэвис,⁹ С.Чи,¹⁰

² Morgenthau, H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. / H.J. Morgenthau - New York: Alfred A. Knopf. - 1955. – 600 p.

³ Waltz, K. Theory of International Politics. / K. Waltz. – New York. - 1979. – 256 p.

⁴ Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной; [вступ. ст. Г. Дерлугьяна]. - М.: Территория будущего, 2006. - 247 с.

⁵ Цыганков, П. А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. – 2004. - №2. – С. 119-130

⁶ Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма: популярный очерк. - М.: Политиздат, 1984. - 136 с.

⁷ Игнаткин, О. Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. – 2013. - № 21 (122). - С. 74-82

⁸ Вахрушев, Ю.П. Основы теории международных отношений: Учеб-метод. комплекс. – 3-е изд., перераб. и доп. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 102 с.

⁹ Davis, K. China's Foreign Investment Policy Reform: from incentives to modern rules: OECD report // OECD. - 2003. – 75 p. – URL: https://www.oecd.org/industry/inv/investment-policy/WP-2013_1.pdf (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁰ Чи, С. Жилина, Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1(14). – С. 14-21

Ц.Чэнь,¹¹ а также отечественных - Ю.В.Тавровский,¹² А.Ю.Плотников¹³, Е.П.Бажанов,¹⁴ Ю.А.Макеев.¹⁵ Для исследования также использовались работы экспертов в области китайско-африканских экономических отношений: А.Э.Барина, ¹⁶ Р.И.Томберга, ¹⁷ А.И.Нагиева,¹⁸ Д.Дегтерева,¹⁹ С.Р.Цокиева,²⁰ В.Чэня, Д.Доллара, Т.Хэйвая,²¹ Н.М.Гитаига, А.Буримасо, С.М.Ахмеда.²²

В отличие от литературы, посвященной проблеме китайско-африканских отношений в целом, работы, которые обращают внимание на конкретные кейсы в рамках тематики данной проблемы, значительно менее многочисленны. Так, для данного исследования использовались работы Х.Мпоано,²³ и С.Брауна,²⁴ изучавших кейс нелегальной деятельности рыболовных судов в прибрежных водах Ганы, который использовался в качестве иллюстрации негативного влияния частных китайских инвестиций. Что касается государственных инвестиций в проекты инициативы пояса и пути в Африке, данный вопрос получил намного больше внимания со стороны исследователей ввиду высокого уровня политизированности проблемы. Нами были использованы работы

¹¹ Chen, J. Chinese strategy goes global and its role in the investment sphere of the country's oil and gas industry development // 9th International Conference "Science and Technology" SCIEURO. – 2017. – P. 59-64

¹² Тавровский, Ю. В. Политика «реформ и открытости» Китая и «возрождение нации» // Перспективы. Электронный журнал. - 2018. - URL:

http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_reform_i_otkrytosti_kitaja_i_vozrozhdenije_nacii_2018-11-13.htm (дата обращения: 15.04.2021)

¹³ Плотников, А. Ю. Инвестиционная политика Китая в контексте послевоенного экономического развития страны // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №4(52). – С. 29-32

¹⁴ Бажанов, Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. – 351 с.

¹⁵ Макеев, Ю.А. История успеха, или привлечение прямых иностранных инвестиций в Китай // Рынок ценных бумаг. – 2003. – № 13 – 143 с.

¹⁶ Барин, А. Э. О роли Китая в африканском регионе, в условиях усиления интеграционных процессов // Финансы и кредит. – 2008. – №31(319). – С. 50-57

¹⁷ Томберг, Р. И. КНР – Африка: экономические связи // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №7(648). – С. 58-63

¹⁸ Нагиев, А. И. Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №4. – С.15-21

¹⁹ Дегтерев, Д. Китай-Африка: важные аспекты отношений // МЭиМО. – 2005 – № 5. – С. 84-91

²⁰ Цокиев, С. Р. Китайские инвестиции в Африке // Вестник ИЖГТУ им. М. Т. Калашникова. – 2013. – №1. – С. 50-52

²¹ Chen, W. Dollar, D. Heiwai, T. Why Is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level // The World Bank Economic Review. - № 32(3). – 2018. – P. 610-632

²² Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. – 2019. - P. 117-141

²³ Мпоано, Н. Stolen at Sea: How illegal 'saiko' fishing is fuelling the collapse of Ghana's fisheries // Environmental Justice Foundation. - 2019. – 32 p. – URL: https://ejfoundation.org/resources/downloads/Stolen-at-sea_06_2019.pdf (дата обращения: 09.05.2021)

²⁴ Браун, С. Доклад EJP: китайские компании манипулируют рыболовными лицензиями в Гане // Organized Crime and Corruption Reporting Project. – 2021. – URL: <https://www.occrp.org/ru/daily/14133-report-chinese-fishing-companies-cheat-fishing-license-in-ghana> (дата обращения: 13.05.2021)

Е.Оландер,²⁵ М.Йоели²⁶, Н.М.Гитаига,²⁷ раскрывающие вопрос влияния железной дороги Найроби–Момбаса на социально-экономическое положение Кении. Также полезными для работы были исследования Дж.П.Кабестана,²⁸ посвященные китайской военной базе в Джибути.

Источниковая база. В ходе данного исследования использовалось несколько классов источников. Во-первых, это статистические данные, касающиеся различных аспектов китайского инвестирования в Тропической Африке, собранные и обработанные такими организациями, как ЮНКТАД, Исследовательская инициатива Китай-Африка университета Джона Хопкинса, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и др. Во-вторых, это журналистские расследования деятельности китайских компаний в Африке, проведенные BBC и Reuters. В-третьих, это международные нормативно-правовые документы национального и регионального характера. В-четвертых, это новостные сообщения, освещавшие процесс строительства и обслуживания инфраструктурных объектов, использованных в качестве примеров в этом исследовании.

Данная работа состоит из трех глав. В первой главе китайские зарубежные инвестиции анализируются с позиции трех парадигм международных отношений. Вторая глава раскрывает причины и предпосылки становления китайской инвестиционной стратегии, различные типы проектов, а также особенности китайского инвестирования в Тропической Африке. Третья глава посвящена исследованию социально-экономического влияния китайских инвестиций на жизнь в странах Африки южнее Сахары. Два кейса приводятся в качестве примеров влияния частных и государственных китайских инвестиций на общественную жизнь в развивающихся странах Африки. Заключение резюмирует наиболее важные результаты исследования.

²⁵ Olander, E. Kenya to Finally Extend the SGR to the Ugandan Border... Without Any Chinese Financing // The China-Africa Project. – 2021. – URL: <https://chinaafricaproject.com/2021/02/17/kenya-to-finally-extend-the-sgr-to-the-ugandan-border-without-any-chinese-financing/> (дата обращения: 23.04.2021)

²⁶ Yoeli, M. Belt and Road in Kenya: COVID-19 Sparks a Reckoning with Debt and Dissatisfaction // Council on Foreign Relations. – 2021. – URL: <https://www.cfr.org/blog/belt-and-road-kenya-covid-19-sparks-reckoning-debt-and-dissatisfaction> (дата обращения: 24.04.2021)

²⁷ Githaiga, N. M. Belt and Road Initiative in Africa: The Impact of Standard Gauge Railway in Kenya // Chins Report. - №3 - 2019. - P. 225-230

²⁸ Cabestan, J.P. China's Djibouti naval base increasing its power // East Asia Forum. – 2020. – URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/16/chinas-djibouti-naval-base-increasing-its-power/> (дата обращения: 16.04.2021)

Глава 1. Теоретические основы китайского инвестирования в страны Тропической Африки

В силу того, что международные отношения представляют собой достаточно обширный комплекс взаимодействий между акторами, их природа в современной науке объясняется посредством нескольких различных парадигм. Реалистская, либеральная и неомарксистская парадигмы составляют базу теории международных отношений, на которой строятся прочие теоретические концепции. Ввиду того, что названные парадигмы с различных сторон подходят к изучению всего комплекса международных отношений, естественно то, что международные инвестиционные отношения как один из его элементов будут восприниматься представителями различных теорий по-разному. Так как, согласно теоретикам политического реализма, либерализма и неомарксизма, само взаимодействие между акторами и их цели на международной арене кардинально различаются, в зависимости от концепции, через призму которой проводится анализ, оценка значимости экономических взаимодействий в них также будет кардинально отличаться: от второстепенной до главенствующей роли в международной жизни. Таким образом, для достижения цели нашего исследования необходимо рассмотреть международные экономические отношения с точки зрения теорий международных отношений, затем сравнить предложенные ими подходы и, определить наиболее приемлемый для дальнейшего анализа инвестиционной политики КНР в странах Африки южнее Сахары.

1.1. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму реалисткой парадигмы международных отношений

Для начала мы рассмотрим то, как взаимодействия акторов международных отношений в сфере экономики трактуются в рамках политического реализма. Классический политический реализм, истоки которого восходят еще к античности, описывает международные отношения как взаимодействия в анархичной среде эгоистичных акторов, руководствующихся в своих действиях национальными интересами. Одними из главных идей в рамках традиционного политического реализма являются «понятие интереса, определенного в терминах власти», баланс сил и геополитические стратегии.²⁹ Выживание

²⁹ Шаповалова, А.М. Кочетов, Р.Г. Вагина, В.О. Международная политика. Основные теории международных отношений // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. - № 7-5. - С. 106

во враждебной среде – главная цель государства, являющегося основной единицей анализа. Так как в рамках данной концепции международные отношения чаще всего представляются игрой с нулевой суммой, ослабление других государств и следующее за ним самоусиление соответствуют интересам каждого актора.³⁰ В рамках классического политического реализма середины XX в., ярчайшими представителями которого являются Г. Моргентау и Э. Карр, политическая сфера общественной жизни является доминирующей и рассматривается отдельно от экономической, культурной и прочих.³¹ Оставив на втором плане другие области человеческих взаимоотношений, реалисты рассматривали международные отношения по большей части в ключе политики, опирающейся в первую очередь на военную силу. Эта особенность данной теории и определяет место международных экономических отношений в реалистской концепции.

Согласно идеям, изложенным в трудах политических реалистов середины XX в., международные экономические отношения являются отдельной от политики сферой, изучением которой, по их мнению, должны заниматься экономисты, и которая не связана напрямую с мировой политикой. Несмотря на то, что инструменты экономического воздействия могут быть использованы традиционными для раннего реализма акторами – государствами – для достижения поставленных в рамках своих национальных интересов целей, в ключевых работах реалистов этому факту уделяется малое значение.³² С позиции необходимости описания современных международных инвестиционных отношений важность экономической составляющей, по нашему мнению, недооценена в их работах.

Традиционный реализм рассматривает пересечение политической и экономической сфер лишь в контексте одного из трех основных мотивов, которыми, по мнению Т. Гоббса руководствуются все государства. Они звучат следующим образом: 1) достижение и обеспечение безопасности государства; 2) удовлетворение экономических требований политически значимых слоев населения; 3) повышение престижа государства.³³ Как мы можем видеть по содержанию второго мотива, экономические интересы акторов все-таки косвенно фигурируют в рамках реалистских воззрений, однако их суть далека от

³⁰ Игнаткин, О. Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГТУ. – 2013. – № 21 (122). – С. 77

³¹ Цыганков, П. А. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 74

³² Morgenthau, H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. / H.J. Morgenthau - New York: Alfred A. Knopf. - 1955. – 600p.

³³ Вахрушев, Ю.П. Основы теории международных отношений: Учеб-метод. комплекс. – 3-е изд., перераб. и доп. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 15

широкого смысла, который вкладывается сегодня в понятие «международные экономические отношения». Таким образом, анализ китайско-африканских инвестиционных отношений через призму классического политического реализма не представляется наиболее приемлемым и всеобъемлющим.

После того, как мирополитическая ситуация 50-х – 70-х годов XX в., включавшая в себя начало масштабных процессов региональной, а также глобальной экономической и политической интеграции, показала несостоятельность и неполноту некоторых постулатов классического реализма, в конце 1970-х годов ему на смену пришел неореализм, призванный восполнить пробелы в устаревшей концепции. Не отходя от основных принципов реализма, включающих в себя утверждения об анархичности международных отношений, значении баланса сил и интересов, представители его обновленного направления, такие как К. Уолтс, Б. Бузан, Дж. Моделски и П. Кеннеди, обратили свое внимание на структурные характеристики международных отношений, которые рассматривались отныне как целостная система. Согласно данной концепции, государство стремится к увеличению мощи не только за счет собственных усилий и действий по ослаблению своих противников, но и за счет вступления в союзы с другими государствами.³⁴ В рамках комплекса идей К. Уолтса в международных отношениях выделяется «три уровня, находящиеся между собой во взаимосвязи — индивид, государство и международная система».³⁵ Различные элементы этой системы обладают разными возможностями, что, по мнению неореалистов, в конечном итоге и определяет ее состояние и являет собой суть международного порядка.³⁶

По сравнению с классическим направлением неореализм уделяет больше внимания международным экономическим отношениям, наиболее интересующим нас в рамках данного исследования. Неореалисты обратили свое внимание на экономическую и финансовую составляющие межгосударственных взаимоотношений, которые, по их мнению, являются неотъемлемой частью мощи государства наряду с военной силой. Они признают большую роль и потенциальную силу за экономическими рычагами, которыми пользуются государства для достижения целей, поставленных в рамках все тех же национальных интересов. Экономическая интеграция являет собой один из путей,

³⁴ Waltz, K. *Theory of International Politics*. / K. Waltz. – New York. - 1979. – P. 73

³⁵ Шабага, А. В. Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник РУДН. - 2015. - № 3. – С. 30

³⁶ Панченко, М. Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис, 2009. - № 5. – С. 11

позволяющих одному государству наряду с другими членами некоего объединения, в которое оно может входить, увеличить свою мощь и таким образом ослабить другие государства вне данной группы. То есть неореалистами в один ряд ставятся инструменты политического, военного, экономического, культурного и других типов влияния. Они признаются тождественными относительно цели применения (стремление к суверенитету, безопасности и наращивание силы в международной среде), которая остается единой как в классическом, так и в неореализме.

Итак, реалистская парадигма описывает взаимодействия акторов с позиции признания существования анархии в международных отношениях и ведущей роли силы в обеспечении выживания структурных единиц. Основные принципы мировой политики в рамках реализма были удачно отражены американским исследователем У. Уолфорт. Он выделил 4 черты, характеризующие современные международные отношения: политика создания групп, эгоизм, анархия, силовая политика.³⁷ Ввиду того, что как сторонниками традиционного реализма, так и неореалистами ведущим фактором, определяющим мощь государства, признается военная сила, это приводит к некоторой недооцененности значимости экономических взаимодействий между акторами. Но, несмотря на это, неореализм, обративший внимание на значение определенных экономических рычагов для проведения политики, продиктованной национальными интересами, может объяснить некоторые из сторон Китайской внешнеэкономической деятельности, направленной на страны Тропической Африки.

1.2. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму либеральной парадигмы международных отношений

Еще одной парадигмой, призванной объяснить суть международных процессов, является политический либерализм. Зарождение идей, которые легли в основу современной либеральной концепции, можно наблюдать еще в XVIII в. Оно связано с именами таких ученых и философов, как Д. Локк, И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, Д. Риккардо.³⁸ За всю

³⁷ Wohlforth, W. Realism // The Oxford Handbook of International Relations / Ed. By C. Reus-Smit, D. Snidal. – New York: Oxford University Press/ - URL:

<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199219322.001.0001/oxfordhb-9780199219322> (дата обращения: 12.04.2021)

³⁸ Сетов, Н. Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник МГУ. – 2012. - №2. – С. 29

историю развития теории международных отношений либеральный подход пережил два значительных периода подъема: в начале и конце XX в. Данная система взглядов стала принимать очертания завершенной теории и приобретать популярность в первой половине XX в., когда после завершения Первой мировой войны и создания вдохновленной идеями В. Вильсона Лиги Наций необычайно близкой и реальной выглядела идея о том, что военные методы в международной политике уже навсегда исчерпали себя. После периода почти полувекового разочарования в идеях либерально-идеалистической парадигмы, обусловленного в первую очередь событиями Второй мировой войны, в конце XX в. данная парадигма, принявшая вид неолиберализма со многими его разновидностями, вновь стала занимать ведущие позиции в политологическом дискурсе. Это было вызвано неспособностью реализма уделить должное внимание роли международного сотрудничества в сферах, отличных от сугубо военно-политической, а также объяснить усиление взаимозависимости и значимости нетрадиционных акторов международных отношений.

Сторонники либеральной парадигмы, в отличие от реалистов, трактуют человеческую природу в совершенно противоположном ключе. Они утверждают, что человек стремится к сотрудничеству, взаимному процветанию, миру и справедливости.³⁹ Одним из важнейших отличий либеральной концепции является то, что помимо традиционного для теории международных отношений актора, государства, в качестве имеющих возможность значительно влиять на международные отношения признаются также многие другие акторы: общественные объединения, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и другие бизнес-структуры, а также отдельные индивиды. Это приводит к логичному выводу о том, что «международная политика государства есть равнодействующая постоянной борьбы-согласования интересов различных групп и структур»⁴⁰.

Сторонники политического либерализма, естественно, признают отсутствие верховной власти в мире, однако утверждают, что анархия в международных отношениях может быть частично преодолена при помощи передачи государствами части своего суверенитета международным организациям, выполняющим роль наднациональных

³⁹ Изгарская, А. А. Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала) // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2008. - №2. – С. 99

⁴⁰ Парадигмы и направления ТМО // libraryno.ru: электронный ресурс. – 2013. - URL: http://libraryno.ru/1-2-paradigmy-i-napravleniya-tmo-2013_istoriya_megdunar_otn/ (дата обращения 13.04.2021)

регуляторов. Таким образом, сторонники данной концепции уверены, что все конфликты, возникающие в мире, могут быть разрешены при помощи системы международного права, а также сотрудничества, основанного на консенсусе или компромиссе.

В контексте либеральной парадигмы признается, что международные отношения включают в себя не только военно-политическую, но и экономическую, культурную, научно-техническую и прочие сферы человеческой жизни, в рамках которых происходит межличностная и межгрупповая коммуникация. Одно из важнейших мест в концепции занимают международные экономические отношения.⁴¹ В силу того, что, согласно либеральной парадигме, нормальным состоянием международных отношений является мир, а не война, как это утверждают реалисты, цели всех акторов значительно смещаются в сторону достижения экономического благосостояния, процветания и прогресса всего человечества. Эти цели достигаются за счет международного сотрудничества, экономической интеграции. Таким образом, суть международных экономических отношений объясняется с точки зрения необходимости обмена товарами и услугами между участниками рынка, имеющими относительно друг друга абсолютные и относительные преимущества, о которых говорили еще А. Смит и Д. Риккардо. Эта необходимость возникает во время поиска наиболее эффективного способа достижения всеобщего благосостояния. Освобождение от фискальных и институциональных ограничений трансграничного перемещения товаров и услуг максимизирует эффективность мирового рынка и его составляющих. Так как вместе с достижением состояния международной безопасности экономическая эффективность, ведущая к благосостоянию, является основной целью акторов в рамках либерализма, меры по их достижению и представляются сторонникам данной концепции дорогой к совершенствованию международной системы.

Итак, мы можем видеть, что либерально-идеалистическая концепция уделяет намного больше внимания экономическим взаимодействиям, чем реалистская. Эти взаимодействия принимают исключительно форму взаимовыгодного сотрудничества, которое приносит пользу всем участвующим в нем сторонам. Так, сотрудничество является предпочтительнее изоляционизма, поскольку международные отношения являются игрой с положительной суммой.⁴² Данная концепция, принимающая во внимание многие аспекты

⁴¹ Цыганков, П. А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. – 2004. - №2. – С. 120

⁴² Неолиберализм в международных отношениях // spravochnick.ru: электронный ресурс - URL: https://spravochnick.ru/politologiya/neoliberalizm_v_mezhdunarodnyh_otnosheniyah/ (дата обращения: 14.04.2021)

международных экономических отношений, является приемлемой для изучения внешней инвестиционной политики КНР, однако позволяет рассматривать его лишь как взаимовыгодное и равное сотрудничество с партнерами, что не всегда является правдой.

1.3. Китайские инвестиции в страны Тропической Африки через призму неомарксистской парадигмы международных отношений

Концепцией, которая, в сравнении с либерализмом и реализмом, совершенно под другим углом рассматривает международные отношения, является неомарксизм. Исходя из названия, можно судить о его связи с идеями К. Маркса⁴³ и В. Ленина,⁴⁴ которые в качестве главных и, по сути, единственных реальных акторов международных отношений рассматривали классы. В ходе истории социально-экономического развития человека как вида всегда существовало 2 класса, один из которых выступал в роли ведущего и эксплуатировал другой, более слабый класс. На концепции экономической эксплуатации и построена неомарксистская парадигма международных отношений.⁴⁵

Неомарксизм как теория международных отношений, не отходя от идей классового расслоения общества, наделил некоторой «классовостью» единицу более высокого порядка в общественной иерархии – государство. Так, согласно одному из основных теоретиков неомарксизма И. Валлерстайну, «общество» государств примерно в середине второго тысячелетия нашей эры перешло к капиталистическому этапу развития. Мир-система, которая определяется как совокупность государств, принадлежащих к разным категориям, и их взаимодействия, состоит из государств двух основных классов: ядра и периферии. В рамках данной системы взглядов страны ядра (развитые капиталистические страны, такие как США, Франция, Япония, Германия и т.д.) эксплуатируют страны периферии (развивающиеся страны, такие как некоторые государства Юго-Восточной Азии и Африки).⁴⁶ Те единицы, которые было бы неправильно отнести к одной из групп, так как они недостаточно сильны, чтобы эксплуатировать страны периферии, и недостаточно слабы, чтобы быть объектом эксплуатации ядра, Валлерстайн назвал полупериферией.

⁴³ Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / Пер. М.Бакунина. — СПб: Лань, 2013. — 28 с.

⁴⁴ Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма: популярный очерк. - М.: Политиздат, 1984. - 136 с.

⁴⁵ Исираилова, А. Т. Марксизм (неомарксизм) в контексте международных отношений // Известия вузов (Кыргызстан). – 2014. - №6. – С. 185

⁴⁶ Михайловский, В. С. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра // Социология (Белорусский государственный университет). – 2015. – №4. – С. 41

Таким образом, два основных класса и один промежуточный, переходный взаимодействуют на международной арене, преследуя собственные цели. Ядро стремится получить максимальную выгоду от неравноправного сотрудничества, используя периферию в качестве источника ресурсов и рынка сбыта готовой продукции и тормозя таким образом ее развитие. В свою очередь, периферия стремится к тому, чтобы освободиться от зависимости от ядра и изменить свое угнетаемое положение в мир-системе. Полупериферия же либо находится в состоянии перехода из класса периферии в класс ядра, либо позиционирует себя вне системы данных взаимоотношений.⁴⁷

На ранних этапах развития капиталистической мир-системы в действиях ядра преобладали традиционные колониальные методы осуществления экономической эксплуатации, которые непременно сопровождались также непосредственной политической и военной экспансией. Данная особенность раннего колониализма, по мнению некоторых ученых, и привела к крушению колониальных империй в XX в. На смену этой тактике пришли новые более эффективные методы, которые позволяют осуществлять эксплуатацию посредством того, что страны ядра ставят страны периферии в неизбежную экономическую зависимость от себя.⁴⁸

Для неомарксистов понятие силы государства, как и в реализме, является одним из ключевых в парадигме. Но важнейшее отличие неомарксистской концепции в том, что, акцентируя внимание на существовании акторов по правилам капиталистической общественно-экономической формации, наиболее значимым является именно экономический потенциал страны.⁴⁹ Это значит, что если некое государство обладает достаточной экономической мощностью, то оно будет вести скрытую или прямую экспансионистскую политику, полностью соответствуя критериям страны ядра. Государство, не обладающее таким потенциалом, будет обречено на подвластное положение в международной системе. Таким образом, международные экономические отношения с точки зрения неомарксистской парадигмы являются неравными отношениями эксплуатации стран периферии странами ядра.⁵⁰

⁴⁷ Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной; [вступ. ст. Г. Дерлугьяна]. - М.: Территория будущего, 2006. - 247 с.

⁴⁸ Михайловский, В. С. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра // Социология (Белорусский государственный университет). - 2015. - №4. - С. 41

⁴⁹ Амираев, Р. Неомарксистская концепция мировой политики // Наука и новые технологии. - 2010. - №6. - С. 182

⁵⁰ Михайловский, В.С. Неомарксистский категориальный аппарат политических исследований: генезис и содержание // ВЕСНІК БДУ. - 2014. - №3. - С. 88

Итак, неомарксистская парадигма может быть удобным инструментом для изучения действий государств, чьи взаимоотношения с партнерами заведомо строятся на неравноправии. Она объясняет принципы эксплуататорских отношений по вертикальной оси «ядро – периферия», однако горизонтальные контакты между представителями одного класса государств не всегда могут быть точно описаны при помощи неомарксистской концепции, так как именно гомогенный класс является базовой единицей анализа в ней. При рассмотрении двухсторонних китайско-африканских инвестиционных отношений в контексте неомарксизма Китай будет являться представителем ядра, а страны Африки – периферии. Их главной особенностью в таком случае будет неравный характер действий со стороны КНР, пытающейся эксплуатировать экономические ресурсы Африки.

Таким образом, на наш взгляд, инвестиционную политику Китайской Народной Республики в мире можно рассматривать через призму неореализма, неолиберализма или неомарксизма. Данные парадигмы сосредоточивают свое внимание на разных аспектах международных экономических отношений: неореализм – следование национальным интересам при помощи экономических рычагов, неолиберализм – взаимовыгодное сотрудничество, неомарксизм – экономическая эксплуатация и неокOLONIALИЗМ (который можно определить как осуществление контроля над наименее развитыми странами при помощи косвенных методов)⁵¹. С практической точки зрения, выделенные выше различные теории международных отношений, потенциально применимые в случае с китайско-африканскими отношениями, помогают спрогнозировать действия участников этих отношений при том условии, что они постоянны и перманентно подчиняются той или иной концепции. Анализ существующих экономических взаимодействий позволяет выделить их основные черты, указывающие на применимость той или иной парадигмы, и с определенной уверенностью утверждать, что в дальнейшем они будут подчиняться логике той же концепции и иметь те же ключевые особенности. Проанализировав инвестиционные отношения Китая со странами Африки южнее Сахары с позиции воздействия на социально-экономическое развитие стран-реципиентов и выделив их главные черты, мы сможем определить базовые характеристики этих экономических взаимодействий и, следовательно, ответить на вопрос, какая теория лучше всего описывает их. В дальнейшем это позволит

⁵¹ Halperin, S. Neocolonialism. Definition, Examples, & Facts // Britannica. – 2020. - URL: <https://www.britannica.com/topic/neocolonialism> (дата обращения: 15.05.2021)

систематизировать понимание китайской инвестиционной стратегии в странах Тропической Африки.

Глава 2. Становление и принципы китайского инвестирования в страны Тропической Африки

2.1. Формирование китайской инвестиционной стратегии

Для того чтобы понять причины становления современной внешней экономической политики Китая в том виде, в котором мы можем наблюдать ее сегодня, необходимо обратиться к исследованию периода постепенного отхода Китая от социалистической модели экономики и налаживания экономических связей со странами-партнерами.

Как известно, с начала 60-х и до конца 70-х годов XX в. КНР проводила политику ограничения внешнеэкономических связей и замкнутости. На фоне постепенного ухудшения отношений с СССР и, соответственно, уменьшения объемов экономической и военной помощи с его стороны, а также все более явного превосходства капиталистической модели экономики более либеральная правящая элита во главе с Дэн Сяопином, который занял место умершего в 1976 г. Мао Цзэдуна, пришла к выводу о необходимости полноправного включения Китая в систему мирового рынка и введения рыночных механизмов в КНР. Так, в 1978 г. было принято решение о начале политики «реформ и открытости», основные принципы которой действуют в стране уже более 40 лет и за этот период показали свою эффективность.⁵²

Ввиду того, что капиталистическая модель экономики на тот момент еще никогда не совмещалась с социалистической идеологией в рамках одного государства, перед партийным руководством стояла сложная задача по плавному переходу к рыночной модели, который должен был каким-то образом быть объяснен гражданам КНР, которым много лет насаждалась коммунистическая идеология. Это сдерживало стремительную и резкую смену экономического уклада в стране и обусловило поступательный характер реформ. После нескольких лет непримиримых противоречий между социализмом и капитализмом внутри Китая, в сентябре 1982 г. Дэн Сяопин закрепил сосуществование социалистической идеологии и экономического уклада капиталистического типа, назвав это «социализмом с

⁵² Тавровский, Ю. В. Политика «реформ и открытости» Китая и «возрождение нации» // Перспективы. Электронный журнал. - 2018. - URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_reform_i_otkrytosti_kitaja_i_vozrozhdenije_nacii_2018-11-13.htm (дата обращения: 15.04.2021)

китайской спецификой». ⁵³ «Открытие» Китая, проведение четкой линии, разграничивающей политическую и экономическую жизнь, и было первопричиной установления современной системы принципов экономического взаимодействия КНР с другими странами.

С начала 1980-х годов происходил поэтапный переход КНР к той модели экономического взаимодействия с внешним миром, которая используется им и сегодня. В рамках этого перехода очень важным отдельным пунктом было становление инвестиционной политики КНР как реципиента инвестиционного капитала. Этот процесс разделяется исследователями на несколько этапов.

Первый этап (1979-1985 гг.) характеризовался активной работой правительства КНР над созданием обширной нормативной базы, которая бы позволила Китаю стать получателем иностранных инвестиций, которые бы значительно ускорили темпы экономического развития страны. ⁵⁴ Важность этого этапа подчеркивается тем, что преобразования были закреплены в новой, действующей поныне конституции КНР: «Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим иностранным хозяйственным организациям, либо отдельным лицам в соответствии с законами КНР вкладывать капиталы в Китае, осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими китайскими хозяйственными организациями. Их законные права и интересы охраняются законами КНР». ⁵⁵ Комплекс мер по допущению и упрощению притока иностранных инвестиций включал в себя льготную налоговую политику, предоставление иностранным инвесторам правового статуса в Китае, снижение платы за использование рабочей силы и земли, создание ограниченного валютного рынка для совместных предприятий с иностранными инвестициями, расширение максимального срока соглашений с совместными предприятиями и др.

Важнейшим шагом для открытия Китая для иностранных инвестиций было учреждение свободных экономических зон. На начальном этапе реформ их было 4: в городах Шэньчжэнь, Чжухай, Фучжоу и Сямэнь. Выбор приграничных городов для

⁵³ Deng, Xiaoping. Opening speech at the 12th National Congress of the Communist Party of China // Selected Works of Deng Xiaoping, Volume III <1982-1992>. – 2010. - URL: https://cpcchina.chinadaily.com.cn/2010-10/20/content_13918249.htm (дата обращения: 14.05.2021)

⁵⁴ Плотников, А. Ю. Инвестиционная политика Китая в контексте послевоенного экономического развития страны // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №4(52). – С. 30

⁵⁵ Бажанов, Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 43

создания СЭЗ был не случайным: эти города располагались рядом с Тайванем, Гонконгом и Макао – местами проживания большого количества «хуацяо» (китайцев, живущих за границей), чьи вложения в экономику КНР на протяжении десятков лет составляли большую часть от валовых инвестиций и достигали 80%.⁵⁶ Такая политика быстро начала приносить свои плоды, и объем иностранных инвестиций в Китай стремительно возрастал.

Второй этап (1986-1989 гг.), который также называется «промежуточным», наглядно показал правильность экономического курса Китая. В этот период объем иностранных инвестиций неуклонно рос в геометрической прогрессии и в 1988 г. достиг отметки в 10,2 млрд. долларов США.⁵⁷ Нормативная база, поддерживающая стабильное увеличение притока иностранных инвестиций, пополнилась несколькими важными документами, уточняющими статус капитала «хуацяо» в КНР и делающих процедуру инвестирования более простой и прозрачной.⁵⁸

К началу 90-х годов XX в. прочная основа правовой базы, обеспечивающей надежность и относительную простоту перемещения капитала в КНР, была окончательно сформирована. С этого момента характер инвестиций, поступающих в Китай начал изменяться. Если со времени провозглашения политики «реформ и открытости» и до 1991 г. основной формой инвестиций, поступающих в страну, были иностранные кредиты, на которые пришлось около 66% валовых иностранных инвестиций за этот период (80 млрд. долларов США), то с 1992 г. прямые иностранные инвестиции составляют большую часть вложений в китайскую экономику.⁵⁹ Признавая важность прямых иностранных инвестиций для экономики КНР и желая способствовать увеличению их объема, в 1995 г. Китай опубликовал первый «Каталог с рекомендациями вложений ПИИ в открытые отрасли промышленности». В нем инвестиционные проекты были разделены на 4 группы: проекты, которые были поддержаны, одобрены, ограничены и запрещены. В каталоге был выделен

⁵⁶ Мунчаев, С. Хазанов, А. «Россия и Китай: уроки реформ». - М: Институт востоковедения РАН, РГЭУ им Г.В. Плеханова, 2000. – 51 с.

⁵⁷ Сапожникова, Е.Ю. Роль иностранных прямых инвестиций в экономике Китая // Право РФ и КНР электронный ресурс. - 2010. - URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/InvestCN/005/20051119220924_9917566.htm (дата обращения: 12.04.2021)

⁵⁸ Плотников, А. Ю. Инвестиционная политика Китая в контексте послевоенного экономического развития страны // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №4(52). – С. 30

⁵⁹ Макеев, Ю.А. История успеха, или привлечение прямых иностранных инвестиций в Китай // Рынок ценных бумаг. – 2003. – № 13 – 143 с.

ряд проектов в приоритетных отраслях, при осуществлении которых инвестор мог рассчитывать не только на льготы, но и на поддержку со стороны государства.⁶⁰

Таким образом, к началу 2000-х годов Китай стал одним из крупнейших импортеров капитала. Это стало индикатором благоприятного инвестиционного климата: отсутствия институциональных барьеров для движения капитала, относительной политической стабильности и высоких темпов роста экономики Китая – что стало возможным именно благодаря политике «реформ и открытости», провозглашенной Дэн Сяопином в 1978 г. Так, к 2011 г. КНР вышла на второе место в мире по объему использования иностранного капитала, уступая лишь США.⁶¹ На данный момент КНР сохраняет свою инвестиционную привлекательность, несмотря на некоторое замедление темпов экономического развития, которые, однако, до сих пор значительно превосходят аналогичные показатели развитых стран Запада.⁶²

Экономические успехи Китая, достигнутые за счет реформ, стали причиной обогащения не только иностранных инвесторов, но и китайских фирм и частных лиц, накоплению капитала у национальных частных и государственных предприятий. Это, естественно, обусловило стремление китайских предпринимателей экспортировать капитал за рубеж для его приумножения. Таким образом, параллельно поступлению инвестиций в КНР из вне Китай сам инвестирует в другие государства, развитые и развивающиеся. Вопреки тому, что активная фаза экспорта китайского капитала началась только в начале 2000-х годов, нормативная база для этого начала готовится еще в ранние периоды воплощения в жизнь политики «реформ и открытости». Процесс вывоза капитала из Китая в виде прямых инвестиций можно подразделить на 4 этапа, начало первого из них практически совпадает с началом реформ в КНР.

В течение первого периода, с 1979 по 1985 годы, происходило учреждение за рубежом первых компаний с китайским капиталом. В 1983 г. Госсоветом была издана директива, устанавливающая механизм одобрения Министерством внешних экономических связей и торговли инициатив по вложению капитала за границей. До этого

⁶⁰ Davis, K. China's Foreign Investment Policy Reform: from incentives to modern rules: OECD report // OECD. - 2003. – P.43. – URL: https://www.oecd.org/industry/inv/investment-policy/WP-2013_1.pdf (дата обращения: 24.04.2021)

⁶¹ World Investment Report 2020: International Production Beyond Pandemic // United Nations Conference on Trade and Development. – 2020. - P. 242-243. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (дата обращения: 22.04.2021)

⁶² GDP growth (annual %) - China, United States, United Kingdom, Germany // The World Bank. - 2021. - URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN-US-GB-DE> (дата обращения: 15.04.2021)

круг организаций, имеющих право на зарубежное инвестирование, был ограничен упомянутым выше министерством, подчиненными ему предприятиями и государственными торговыми корпорациями. Ввиду того, что на тот момент Китай лишь недавно принял решение об отходе от принципов закрытой экономики социалистического типа, данный этап характеризовался ограниченным масштабом зарубежных капиталовложений КНР, которые были сконцентрированы в основном в страховании, консалтинге, выполнении подрядных работ и пищевой отрасли.⁶³

Во время второго этапа (1986-1990 гг.) круг компаний, которым было разрешено вывозить капитал из страны, значительно расширился, однако все же оставалась большая группа предприятий, лишенных этого права. Так, согласно директиве Госсовета от 1985 г., осуществлять капиталовложения могли только отдельные предприятия, имевшие международный коммерческий и управленческий опыт, а также развитую технико-технологическую базу. В этот период значительно увеличилось количество стран (в основном развитые промышленные государства), в которых были размещены китайские инвестиции, а приоритеты инвесторов были смещены в сторону транспорта, сельского хозяйства, сборочных производств, торговли, услуг и обрабатывающей промышленности. За два периода, с 1979 по 1990 годы, среднегодовой объем китайских инвестиций в мире составлял 450 млн. долларов США.⁶⁴

Третий этап, который продлился до 2005 г., характеризовался продолжением устойчивого роста объема инвестиций КНР за рубежом. В это время среди получателей китайских инвестиций появились некоторые новые страны Азии, СНГ, Восточной Европы, Латинской Америки и Африки. В 2000 г. была провозглашена стратегия «Выхода вовне». В первую очередь она включала в себя поддержку выхода китайских производителей на мировой рынок, однако также ставила своей целью и поддержку трансграничного перехода китайского капитала.⁶⁵ Отмечая важность финансовой деятельности китайцев за рубежом, Министерство коммерции КНР начиная с 2003 г. публикует Доклады о торговом и инвестиционном климате в зарубежных странах «с целью подробного ознакомления

⁶³ Чи, С. Жилина, Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1(14). – С. 14-15

⁶⁴ ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой: последствия для развития: доклад о мировых инвестициях, 2006 // UNCTAD: электронный ресурс, 2006. URL: https://unctad.org/ru/docs/wir2006overview_ru.pdf (дата обращения: 13.04.2021)

⁶⁵ Чи Сюй, Жилина Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1(14). – С. 14-15

китайских предприятий и посреднических учреждений с условиями торговли и инвестиционного климата у основных торговых партнеров Китая».⁶⁶

Четвертый этап, начавшийся в 2006 году и продолжающийся по сегодняшний день, был ознаменован разработкой «Программы выхода за границу» (2006 г.) Китайским комитетом содействия развитию международной торговли. Данная программа сделала государственную поддержку инвесторов более структурированной, повысила эффективность внешнеэкономической деятельности; уменьшила инвестиционный «перегрев» китайской экономики.⁶⁷

Начало XXI в. стало переломным моментом в инвестиционной стратегии Китая и его экономической политике в целом. Успехи, достигнутые за годы реформ, стали причиной значительных накоплений капитала у китайского бизнеса и частных лиц. Логичным следствием этого стали поиски наиболее выгодных и надежных способов приумножения средств, которые были найдены в том числе и вне Китая. Это ознаменовало начало трансформации принципов движения капитала между КНР и другими странами: с тех пор разница между средствами, инвестированными в Китай зарубежными компаниями, и теми, которые размещаются представителями китайского бизнеса за рубежом, стала стремительно сокращаться. Так, по данным ЮНКТАД, в 2003 г. 7400 китайских предприятия осуществляли инвестирование в 160 странах.⁶⁸ Уже к 2012 г. КНР стала лидером среди развивающихся стран по объемам прямых инвестиций, размещенных за рубежом, сумма которых составила на тот момент 84,22 млрд. долларов США.⁶⁹

Также ввиду повышения благосостояния китайцев внутренний китайский рынок с начала 2000-х годов стал стремительно расширяться и начинал все больше и больше интересовать иностранные компании своей динамичностью и масштабом. На фоне этого важным событием в истории Китая было его вступление в ВТО в 2001 г.⁷⁰ Уже при заключении этого соглашения основной акцент был сделан на устранении

⁶⁶ Способы организации международного производства, не связанные с участием в капитале, и развитие / Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию // UNCTAD. - 2011. - URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf> (дата обращения: 12.04.2021)

⁶⁷ 更好地实施“走出去”战略 // 国务院办公厅. - 2006. - URL: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm (дата обращения: 16.05.2021)

⁶⁸ UNCTAD World Investment Report 2003 // UNCTAD. - 2003. - URL: https://unctad.org/en/Docs/wir2003_en.pdf (дата обращения: 12.04.2021)

⁶⁹ World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development // UNCTAD - 2013. - URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf (дата обращения: 12.04.2021)

⁷⁰ WTO Ministerial Conference approves China's accession: WTO News: 2001 Press Releases // World Trade Organization. - 2001. - URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres01_e/pr252_e.htm (дата обращения: 14.05.2021)

институциональных и фискальных барьеров для импорта товаров в Китай.⁷¹ Это подтверждало тот факт, что для мирового сообщества КНР становилась уже не только важным партнером, предлагающим трудовые ресурсы, «мировой фабрикой», но и игроком на международной арене, предъявляющим спрос на товары, произведенные другими государствами.

Итак, утверждение в 1978 г. концепции политики «реформ и открытости» в Китае имело далеко идущие последствия для развития экономики страны в последующие 40 лет. Меры, предпринятые правительством государства в 80-х – 90-х годах XX в. заложили прочный фундамент для формирования в КНР благоприятного климата для притока иностранных инвестиций. Это способствовало высоким темпам экономического развития страны на протяжении всего периода реформ и привело к накоплению собственного капитала в стране. Так для экономической политики Китая начался новый период, который характеризуется расширением рынка внутреннего потребления и, главное для нашего исследования, увеличением объема китайского капитала, размещенного за рубежом. Вкратце процесс перехода Китая к рыночной экономике и интернационализацию его экономической деятельности можно свести к 3 периодам: «дверь открыта» (1978-1991 гг.), «приглашаем приходить» (1992-2001 гг.), «выход за рубеж» (с 2002 г.).⁷²

2.2. Китайские инвестиционные проекты

Так как до начала 1980-х годов в Китае отсутствовали культура и практические наработки в сфере экспорта капитала, заграничное инвестирование на начальных этапах не имело глубоко продуманных стратегий и осуществлялось в те страны и отрасли экономики, которые были наиболее доступны для этого. Однако за десятилетия реформ под сильным влиянием правительства КНР, руководствующегося своим видением национальных интересов Китая, сформировалась некая инвестиционная стратегия, в которую облачаются действия китайских инвесторов.⁷³ Ввиду того, что частный бизнес при принятии решений

⁷¹ Никитина, С.В. Динамика инвестиционной политики в Китае // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – №21. – С.10

⁷² Пашенкова, Н. Смирнова, Е. Китай в международном экспорте капитала // Мировое и Национальное хозяйство. – 2014. - №4(31). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-04/kitaj-v-mezhdunarodnom-dvizhenii-kapitala> (дата обращения: 30.04.2021)

⁷³ A brave new world: The climate for Chinese M&A abroad: Report from the Economist Intelligence Unit // The Economist - 2010. - URL: https://eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Brave%20new%20world.pdf?_ga=2.154666232.1722112026.1621603368-1274897219.1621242409 (дата обращения: 10.04.2021)

о вывозе капитала руководствуется узконаправленными интересами своей компании, а партийное руководство КНР посредством различных директив контролирует и направляет их деятельность, можно выделить два важнейших фактора, определяющих принципы инвестирования в Китае. Это, во-первых, частный интерес инвесторов, которые стремятся найти наиболее выгодные условия для быстрого и надежного приумножения капитала, и, во-вторых, стратегические интересы КНР, которые при помощи относительно жесткого контроля со стороны правительства могут корректировать инвестиционное поведение субъектов.

Одним из важнейших шагов в продвижении в мире китайских инвестиций являлась упомянутая выше стратегия «Выхода вовне», принятая в 2000 г. В соответствии с ее положениями, «целью [инвестиционной стратегии КНР] выступает создание условий для развития и достижения устойчивого конкурентного преимущества (рынок, маркетинг, финансы, технология), ... способом [ее] реализации служит использование своих преимуществ (которые могут заинтересовать зарубежных партнеров – торговля, экспорт, зарубежные инвестиции контракты, проекты, договоры (соглашения) и т. д.)». ⁷⁴ Наряду с этой доктриной, важными документами также являются Доклады о торговом и инвестиционном климате в зарубежных странах Министерства коммерции КНР (публикуются с 2003 г.), а также «Программа выхода за границу» (2006 г.). ⁷⁵ Именно эти документы стали базой для формирования принципов китайского инвестирования, которые можно назвать полноценной стратегией. В дальнейшем они дополнялись и другими постановлениями, которые имели более узконаправленный характер.

Согласно исследованиям, китайская инвестиционная политика включает в себя 4 основные цели: 1) получение доступа к природным ресурсам; 2) расширение и освоение новых рынков сбыта; 3) получение доступа к передовым технологиям других государств; 4) повышение экономической эффективности деятельности компаний. ⁷⁶ Посредством этих приоритетов правительство КНР, балансируя между сильным государственным контролем и свободным рынком в рамках гибридной модели «социализма с китайской спецификой»,

⁷⁴ Chen, J. Chinese strategy goes global and its role in the investment sphere of the country's oil and gas industry development // 9th International Conference "Science and Technology" SCIEURO. – 2017. – P.61

⁷⁵ Чи, С. Жилина, Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1(14). – С. 14-15

⁷⁶ A brave new world: The climate for Chinese M&A abroad: Report from the Economist Intelligence Unit // The Economist - 2010. - URL:

https://eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Brave%20new%20world.pdf?_ga=2.154666232.1722112026.1621603368-1274897219.1621242409 (дата обращения: 10.04.2021)

пытается направить инвестиционную деятельность различных экономических субъектов в соответствии с более широкими стратегическими национальными приоритетами. Первые три цели непосредственно связаны с публичными интересами КНР, так как напрямую затрагивают ключевые отрасли экономики, которые в большей степени контролируются государством. Четвертая цель соответствует в большей мере интересам частного бизнеса, так как максимизация эффективности предприятий полностью зависит от его руководства и по большей части неподконтрольна государственным органам. Исходя из этого, некоторые исследователи среди стратегических целей экспорта китайского капитала выделяют только первые три из вышеперечисленных.⁷⁷

На данный момент правовой основой регулирования и направления китайских исходящих частных инвестиций являются «Административные меры для исходящих корпоративных инвестиций» («Постановление №11»), изданные 26 декабря 2017 г. Государственным комитетом по развитию и реформам КНР.⁷⁸ Постановление заменило соответствующее законодательство от 2014 г. и стало ответом на стремительное повышение объема исходящих инвестиций в 2016 г., которое заставило Си Цзиньпина назвать принятие новых правил «вопросом национальной безопасности». Наиболее значимыми характеристиками новых правил является усиление надзора посредством использования электронной базы данных; определение «чувствительных» регионов и отраслей, инвестирование в которые требует специального одобрения правительства; а также контроль не только над инвестиционной деятельностью собственно китайских инвесторов, но и тех зарубежных компаний, которые контролируются ими. Список чувствительных отраслей включает в себя производство военного оборудования и оружия, телекоммуникации, СМИ, недвижимость, проекты в области развития и энергетику.⁷⁹ Этот список и определяет те приоритетные отрасли в трансграничном инвестировании, которые китайское правительство хочет контролировать и направлять в наибольшей степени для достижения национальных интересов и безопасности. В целом новое законодательство защищает от утечки информации и капитала из критически важных отраслей китайской

⁷⁷ Проценко, Н. Зачем Китай вкладывает деньги в самые бедные страны мира // Взгляд - 2018, 26 ноября. - URL: <https://vz.ru/world/2018/11/26/951440.html> (дата обращения: 05.04.2021)

⁷⁸ Wang, K. Huang, M. Tang, X. China's NDRC Issued New Outbound Investment Rules // China Law Insight. - 2018. - URL: https://www.chinalawinsight.com/2018/01/articles/foreign-investment/chinas-ndrc-issued-new-outbound-investment-rules/#_ftn1 (дата обращения: 17.05.2021)

⁷⁹ 中华人民共和国国家发展和改革委员会令 第 11 号, 公布《企业境外投资管理办法》// 中华人民共和国商务部. - 2018. - URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/g/201803/20180302719303.shtml> (дата обращения: 13.05.2021)

промышленности за рубеж и поощряет приобретение иностранных активов, связанных с передовыми технологиями, а также вложения в инфраструктурные проекты, что согласуется с инициативой пояса и пути, о которой речь пойдет далее.⁸⁰

Важнейшее место среди экономических партнеров материкового Китая занимает Гонконг. Ввиду того, что он является отдельной экономической зоной в рамках КНР, в статистике он отражается как самостоятельный субъект. Круговые схемы инвестирования с участием Гонконга, связанные с оттоком капитала в китайские оффшорные зоны под видом инвестиций, частично искажают официальную статистику, увеличивая в ней показатели объема накопленных ввезенных и вывезенных инвестиций.⁸¹ Так, согласно статистике, Гонконг является одновременно крупнейшим инвестором и получателем инвестиций для КНР. В 2015 г. на долю Гонконга приходилось 59,8% накопленных исходящих ПИИ КНР.⁸² Важное место в структуре инвестиций КНР занимают и другие оффшорные зоны: Каймановы и Виргинские острова, которые занимают соответственно второе и третье место по объему накопленных зарубежных капиталовложений. Существование таких оффшорных зон в свою очередь преуменьшает статистический объем китайских исходящих инвестиций. Это происходит ввиду того, что перенаправление китайского капитала из них в конечную страну-получателя, как правило, отображается в статистике как исходящие инвестиции тех самых стран, являющихся оффшорными зонами.⁸³ Это в значительной мере затрудняет подсчет объема истинных капиталовложений китайских субъектов за рубежом.

Говоря о региональной структуре накопления китайских инвестиций, 70% из них приходится на Азию (подавляющая часть из которых находится в Гонконге), 11.5% - на Латинскую Америку, 7.6% - на Европу, 4.8% - на Африку, 3.2% - на Северную Америку, 2.9% - на Океанию. Если сравнивать эти показатели с данными за 2005 г., то можно проследить определенную тенденцию, связанную с перераспределением в мире китайского капитала. За это время примерно в 2 раза увеличилась доля накопленных инвестиций в Европе, Северной Америке, Африке и Океании. Этот рост был осуществлен за счет

⁸⁰ China's Rules on Outbound Investment: Where Are We Now? // INS Global. – 2018. – URL: <https://ins-globalconsulting.com/chinas-rules-on-outbound-investment-where-are-we-now/> (дата обращения: 24.03.2021)

⁸¹ Кандалинцев, В.Г. Сравнительный анализ ПИИ Китая, Индии и Японии // Восточная аналитика. - 2012. - с. 97-100

⁸² Chu, W. China Takes Global Number Two Outward FDI Slot: Hong Kong Remains the Preferred Service Platform // HKTDC Research. - 2016. - URL: <https://research.hktdc.com/en/article/MzY0MDk1MDE3> (дата обращения: 25.03.2021)

⁸³ Data: Chinese Investment in Africa // China-Africa Research Initiative: Johns Hopkins School of Advanced International Studies. – 2021. – URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20in%20Africa%20Data,US%24%202.7%20billion%20in%202019>. (дата обращения: 29.04.2021)

уменьшения интенсивности потока инвестиций, направляемых в Латинскую Америку.⁸⁴ Таким образом, мы можем отметить, что Латинская Америка, которая была приоритетным регионом для китайских инвесторов, начинает терять свою привлекательность для них, уступая место Европе, Северной Америке, Африке и Океании.

Обратившись к отраслевой структуре китайских вложений за рубежом, мы можем видеть, что приоритетным сектором для китайских инвесторов является третичный сектор экономики, на который приходится 74.9% инвестиций.⁸⁵ Это полностью соответствует цели приобретения новейших технологий, а также инновационному вектору общей политики Китая. На первичный сектор приходится около 14%, большая часть из которых инвестирована в добывающую промышленность, что соответствует стратегической цели получения доступа к ресурсным базам других государств. Остальные 11% приходятся на все сокращающийся в относительном измерении в структуре китайских инвестиций вторичный сектор.⁸⁶

Рассматривая инвестирование отдельных китайских компаний, мы можем говорить о том, что официальная государственная политика Китая оказывает на них относительно незначительное влияние. Конечно, в КНР более жестко, чем в других странах, регламентируется подобная экономическая деятельность предприятий, однако, как было показано выше, правительство создает лишь определенный «коридор», в рамках которого компании получают свободу действий. Таким образом оно может лишь косвенно воздействовать на структуру некоторых ключевых отраслей экономики для достижения внутриэкономических целей, таких как обеспечение внутрикитайского производства достаточным количеством сырья и энергетических ресурсов. Регламентирование экспорта капитала частными структурами не обеспечивает китайскому правительству возможности систематического влияния на экономики других стран. Однако более последовательный и направленный внешнеполитический контекст мы можем найти в деятельности других субъектов китайского зарубежного инвестирования – фондов национального

⁸⁴ Data: Chinese Investment in Africa // China-Africa Research Initiative: Johns Hopkins School of Advanced International Studies. – 2021. – URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20in%20Africa%20Data,US%24%202.7%20billion%20in%202019>. (дата обращения: 29.04.2021)

⁸⁵ Data: Chinese Investment in Africa // China-Africa Research Initiative: Johns Hopkins School of Advanced International Studies. – 2021. – URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20in%20Africa%20Data,US%24%202.7%20billion%20in%202019>. (дата обращения: 29.04.2021)

⁸⁶ Самусенко, Д. Н. Инвестиционные стратегии китайских транснациональных корпораций // Экономические отношения. – 2018. – №2. – С. 202-203

благосостояния (ФНБ), или суверенных инвестиционных фондов (СИФ). В основном деятельность китайских ФНБ представлена двумя суверенными инвестиционными фондами: Инвестиционная компания государственного валютного управления (SAFE Investment Company) и Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation – CIC). Оба фонда представлены в рейтинге 10 крупнейших мировых ФНБ по размеру совокупных активов, которые на 2016 г. составляли 474 млрд. долларов США для первого и 746,7 млрд. долларов США для второго фонда.⁸⁷

Как уже было сказано, к концу 1990-х годов в КНР были накоплены значительные валютные резервы вследствие профицита внешнеторгового баланса. Это и привело в 1997 г. к созданию первого китайского СИФа под названием SAFE Investment Company.⁸⁸ Изначально на него возлагались функции частичного управления золотовалютными резервами Китая. Фонд функционирует в виде коммерческой дочерней компании Государственного валютного управления, зарегистрированной в Гонконге, что и является одной из причин, объясняющих первое место Гонконга в числе получателей китайских инвестиций.⁸⁹ Перед SAFE Investment Company ставятся следующие задачи: 1) на средства, которыми располагает фонд, генерировать дополнительный доход; 2) уменьшать зависимость экономики КНР от курса доллара; 3) диверсифицировать вложения.⁹⁰

Из-за девальвации доллара в 2000-х годах резервные активы, находящиеся в распоряжении SAFE Investment Company, приносили минимальную доходность. Это привело к возникновению необходимости увеличить доходность золотовалютных резервов Китая, а также повысить диверсификацию активов и уменьшить долю долларовых вложений среди них. Поэтому в 2007 г. была создана Китайская инвестиционная корпорация (CIC).⁹¹ Ей была вверена часть средств валютных резервов государства для осуществления эффективного управления. CIC руководствуется 4 базовыми принципами в своей деятельности: инвестирование на коммерческой основе; отсутствие стремления к получению контроля над сектором экономики или компаниями; соблюдение

⁸⁷ Кодачиглов, Р. В. Дудник, Е. М. Опыт Китая по эффективному использованию средств фонда национального благосостояния // Инновационная экономика. – 2016. - №3(8).

⁸⁸ China's State Administration of Foreign Exchange (SAFE) // SWFI. – 2021. – URL: <https://www.swfinstitute.org/profile/598cdaa60124e9fd2d05bd9b> (дата обращения: 24.03.2021)

⁸⁹ Дудник, Е. М. Эффективность вложений фонда национального благосостояния Китая // Конкурентоспособность территорий: материалы XIX Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. – 2016. – С. 14

⁹⁰ SAFE Major Functions // State Administration of Foreign Exchange. – URL: <https://www.safe.gov.cn/en/MajorFunctions/index.html> (дата обращения: 01.05.2021)

⁹¹ About CIC // China Investment Corporation. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/About_CIC/Who_We_Are.shtml (дата обращения: 03.05.2021)

национального законодательства стран-реципиентов инвестиций; инвестирование на основании проведенных аналитических исследований.⁹² CIC является долгосрочным инвестором, она стремится к диверсификации активов как по их видам, так и по секторам экономики и географическим направлениям. На начало 2020 г. структура вложений CIC имела следующий вид: 1.2% - валютные средства, 17.7% - государственные и корпоративные облигации, 38.9% - акции публичных компаний, 42.2% - альтернативные активы, такие как недвижимость, инфраструктура, ресурсы и акции паевых фондов.⁹³ Финансовый сектор, производство товаров длительного пользования и информационные технологии являются приоритетными отраслями для инвестиций CIC.⁹⁴

Вопреки официальным заявлениям представителей фондов о том, что единственной их целью является лишь наращивание совокупной стоимости активов, многие исследователи считают ФНБ Китая одним из самых мощных инструментов, которым пользуется правительство государства при проведении своей внешней политики. Данным аргументом пользуются многие политики, в особенности западные, для того, чтобы дискредитировать инвестиционную деятельность Китая за рубежом. Так, Госдепартамент США неоднократно обвинял КНР в «создании зависимости при помощи непрозрачных контрактов, хищнических кредитных практик и коррупционных сделок, которые заставляют [африканские] страны утонать в долгах и подрывают их суверенитет, лишая их перспектив долгосрочного и устойчивого роста»⁹⁵. Китайское руководство в свою очередь утверждает об использовании «пяти “не”» при инвестировании в развивающиеся страны Африки: не вмешиваться в тот путь развития, который соответствует особенностям отдельных стран; не вмешиваться во внутренние дела стран; не навязывать свою волю странам; не выдвигать политические требования при оказании помощи; не стремиться к односторонним политическим выгодам при инвестировании и сотрудничестве.⁹⁶

⁹² Кодачигов, Р. В. Дудник, Е. М. Особенности инвестиционной деятельности фондов национального благосостояния Китая // Экономика, социология, право. – 2016. – №5. – С. 26-27

⁹³ Investments: Portfolio Structure // China Investment Corporation. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/Investments/Portfolio_Management.shtml (дата обращения: 03.05.2021)

⁹⁴ Кодачигов, Р. В. Дудник, Е. М. Особенности инвестиционной деятельности фондов национального благосостояния Китая // Экономика, социология, право. – 2016. – №5. – С. 26-27

⁹⁵ Secretary of State Rex W. Tillerson Remarks – U.S.-Africa Relations: A New Framework, George Mason University // U.S. Embassy in Senegal. – 2018. – URL: <https://sn.usembassy.gov/secretary-state-rex-w-tillerson-remarks-george-mason-university-march-6-2018/> (дата обращения: 23.04.2021)

⁹⁶ Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit / Liangyu. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm (дата обращения: 23.05.2021)

Некоторые американские критики считают, что СИС намеренно наращивает степень своего присутствия в ключевых секторах экономики США. Многие полагают, что посредством приобретения СИС значительных долей в предприятиях, которые уже имеют определенное влияние на решения правительств западных стран, партийное руководство КНР наращивает степень своего потенциального воздействия в мире.⁹⁷ Помимо этого, СИС инвестирует в те зарубежные компании, которые имеют значительные активы в Китае, таким образом контролируя иностранные ТНК и защищая экономические интересы Китая на международной арене.

На современном этапе крупнейшим и важнейшим зонтичным инвестиционным проектом китайского правительства несомненно является инициатива пояса и пути (Belt and Road Initiative – BRI), провозглашенная Си Цзиньпином в 2013 г. и до 2016 г. известная под названием «один пояс – один путь».⁹⁸ Ее огромное значение в политике правящей КПК подчеркивается тем фактом, что положения об инициативе пояса и пути были включены в китайскую конституцию в 2017 г.⁹⁹ Вдохновленная идеей исторического Великого шелкового пути, инициатива является масштабной инвестиционной программой, нацеленной на развитие инфраструктуры и усиление экономической интеграции стран, расположенных вдоль пути. Центральную роль в этой системе играет ее инициатор – Китай. Инициатива пояса и пути включает в себя 2 направления: наземный экономический шелковый пояс и морской шелковый путь.¹⁰⁰ В то время как первое направление сосредоточено на евразийских инфраструктурных проектах, соединяющих Китай с Европой по суше, второе направление главным образом проходит через Индийский океан. Инфраструктурные проекты в Тропической Африке, представляющие особенный интерес для данной работы, являются частью именно морского направления пояса и пути. Что касается международного охвата проекта, то нужно отметить, что 138 странами и 29 международными организациями были подписаны соглашения о сотрудничестве с инициативой.¹⁰¹ Однако степень участия и вовлеченности в китайский проект разных

⁹⁷ Mihai, I.-I. The evolution of sovereign wealth funds and their influence in the global economy. The case of China // Theoretical and Applied Economics. - Volume XX, 2013. - No. 5(582). - p. 103

⁹⁸ Chronology of China's Belt and Road Initiative / Xinhua // The State Council of the People's Republic of China. - 2015. – URL: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2015/04/20/content_281475092566326.htm (дата обращения: 24.04.2021)

⁹⁹ Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand // Merics. – 2018. – URL: <https://merics.org/en/tracker/mapping-belt-and-road-initiative-where-we-stand> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁰⁰ The Belt and Road Initiative combines two initiatives // Belt and Road Initiative. – URL: <https://www.beltandroad-initiative.com/belt-and-road/> (дата обращения: 20.05.2021)

¹⁰¹ Profiles // Belt and Road Portal. - URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=10076&cur_page=4 (дата обращения: 23.04.2021)

стран-участниц, например, Греции и Пакистана, отличается весьма значительно, что не позволяет делать однозначные выводы о нем, исходя исключительно из числа участвующих государств.

Для того, чтобы понять потенциал инициативы, а также реальную степень ее подконтрольности китайскому правительству, необходимо, во-первых, рассмотреть цели реализации проекта, которые оглашаются Китаем как его инициатором, и, во-вторых, источники его финансирования. Официальными пятью целями инициативы пояса и пути являются координация политики, совместимость инфраструктурных объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и публичное финансирование.¹⁰² Исходя из анализа заявленных целей пояса и пути, можно судить о том, что Китай стремится к налаживанию торговых маршрутов, которые помогли бы расширить его экономические взаимодействия с партнерами, в особенности с развивающимися странами. Экономический и производственный потенциал Китая далеко не исчерпан, с другой стороны, рынки партнеров КНР растут, что говорит о потенциальной возможности поставлять больше китайских товаров и услуг на них. Как показала практика, в особенности в развивающихся странах, важнейшим препятствием для интенсификации торговых отношений между Китаем и его партнерами является нехватка таких инфраструктурных объектов, как порты, железные и автомобильные дороги, которые соединили бы в физическом плане производителей и потребителей. В традиционном понимании суверенитета государства обеспечение национальной инфраструктуры возлагается на частный или публичный сектор той страны, на территории которой она находится. Однако в нынешних условиях государства либо не способны, либо не отдают приоритет постройке тех новых инфраструктурных объектов, которые были бы необходимы для увеличения объемов торговли в желаемых для Китая масштабах. Так, по оценкам Африканского банка развития, Африканский континент ежегодно нуждается в 130-170 млрд. долларов инфраструктурных вложений и из них постоянно испытывает нехватку 67.6-107.5 млрд. долларов.¹⁰³ В условиях беспрецедентного экономического подъема за последние десятилетия Китай накопил достаточный капитал для того, чтобы финансировать те

¹⁰² Goals of the Belt and Road Initiative – and how to make it green / Belt and Road Initiative Quick Info // Green Belt and Road Initiative Center. – URL: <https://green-bri.org/belt-and-road-initiative-quick-info/> (дата обращения: 23.04.2021)

¹⁰³ Africa's Infrastructure: Great Potential but Little Impact on Inclusive Growth / African Economic Outlook // African Development Bank Group. – 2018. – P. 64. - URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2018AEO/African_Economic_Outlook_2018_-_EN_Chapter3.pdf (дата обращения: дата обращения: 02.05.2021)

инфраструктурные проекты, находящиеся за пределами его территории, которые в долгосрочной перспективе станут основой его дальнейшего экономического роста. Конечно же, они также имеют потенциал внести весомый вклад в развитие местной экономики. Данная логика показывает, что китайское правительство имеет четкий экономический интерес в развитии инициативы пояса и пути и получит значительные выгоды от ее реализации даже при условии полного отсутствия политических выгод. Являясь собственниками, подрядчиками или кредиторами, китайские организации приносят двойную выгоду экономике Китая от реализации инфраструктурных проектов за рубежом: в краткосрочной перспективе вложенные средства приносят прибыль в качестве обычных инвестиционных проектов, будь то кредиты, ПИИ или портфельные инвестиции, а в долгосрочной перспективе, как уже было сказано, новая инфраструктура поможет наладить новые цепочки поставок китайских товаров и услуг за границу, что станет вкладом в совокупное благосостояние народа Китая. Также зачастую китайские компании являются подрядчиками в инфраструктурных проектах и получают прибыль уже на этапе постройки.

Источники финансирования проектов в рамках инициативы пояса и пути являются одной из важнейших характеристик проекта, которая помогает определить, кто и в какой мере имеет контроль над его реализацией. Их можно подразделить на 2 категории: банки и фонды, принадлежащие правительству Китая, и многосторонние финансовые институты.¹⁰⁴ К первой категории относятся как разнопрофильные китайские государственные банки (Государственный банк развития Китая, Эксимбанк Китая, Банк сельскохозяйственного развития Китая и др.), так и специализированные (Фонд Шёлкового пути) и широкопрофильные государственные инвестиционные фонды (CIC). Во второй категории следует упомянуть Новый банк развития, собственниками которого являются правительства стран БРИКС, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, доли в котором принадлежат 86 странам мира. Но несмотря на видимый баланс между двумя категориями источников финансирования и широкое представительство стран в многосторонних институтах, финансирующих проекты пояса и пути, объемы инвестиций, размещаемых многосторонними институтами, несравнимо малы. Так, ожидаемый объем инвестиций со стороны Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций составляет 1.261 и 2.33 млрд. долларов соответственно, в то время как один лишь фонд Sinosure, полностью принадлежащий Китаю, обязался выделить для реализации

¹⁰⁴ The Belt and Road Initiative combines two initiatives // Belt and Road Initiative. – URL: <https://www.beltroad-initiative.com/belt-and-road/> (дата обращения: 20.05.2021)

инициативы 570.56 млрд. долларов.¹⁰⁵ Более того, Китай располагает 36% голосов в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций, что фактически делает его мажоритарным акционером.¹⁰⁶ Таким образом, можно смело утверждать, что контроль над финансированием проектов пояса и пути действительно всецело принадлежит китайскому правительству, которое осуществляет его через различные банки и фонды.

Итак, на рубеже тысячелетий КНР начала постепенную трансформацию из одного из крупнейших получателей инвестиций в одного из лидирующих инвесторов в мире. Важным показателем смены вектора инвестиционной политики государства стало то, что уже к концу 2016 г. объем накопленных ввезенных в КНР и вывезенных из нее инвестиций фактически сравнялись, составляя соответственно 1,35 трлн. и 1,28 трлн. долларов США.¹⁰⁷ Китайские инвестиции за рубежом осуществляются в виде частных и публичных вложений. Что касается инвестиций частных компаний, их деятельность за рубежом, хоть и подлежит относительно строгому регулированию со стороны правительства, все же не может считаться полностью подконтрольной ему, так как существующие нормативные акты лишь создают некий «коридор», в котором они действуют в соответствии с собственными приоритетами. С другой стороны, публичные китайские инвестиции за рубежом, осуществляемые через государственные банки и фонды национального благосостояния, реализуются в полном соответствии с политическими и экономическими воззрениями правительства Китая. Таким образом, мы можем говорить о существовании системной инвестиционной стратегии КНР по большей части лишь в отношении второй группы зарубежных инвестиций. Продолжая поддерживать поток инвестиций в добывающую промышленность, которая в будущем все еще будет играть значительную роль в обеспечении китайской промышленности, КНР стремительно наращивает объем инвестиций в третичный сектор экономики. Потребность в поиске тех получателей вложений, которые бы соответствовали стратегическим целям государства и компаний, обуславливает географию размещения китайских инвестиций в мире. Важнейшим элементом современной китайской инвестиционной стратегии является международная инициатива пояса и пути. Значительно повышая качество инфраструктуры в странах по

¹⁰⁵ China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape // OECD. – 2018. – P. 18-19. - URL: <https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscape.pdf> (дата обращения: 27.04.2021)

¹⁰⁶ Members and Prospective Members of the Bank // Asian Infrastructure Investment Bank. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (дата обращения: 30.04.2021)

¹⁰⁷ UNCTAD FDI database // UNCTAD. - 2016. - URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics.aspx> (дата обращения: 15.04.2021)

всему миру, она становится основой усиления экономической интеграции между Китаем и остальным миром, что в будущем, с одной стороны, сделает возможным дальнейший рост китайской экономики, а с другой – окажет большое влияние на экономическое развитие стран-участниц китайского мегапроекта.

2.3. Становление современных инвестиционных отношений между Китаем и странами Тропической Африки

Экономические связи КНР со странами Африки начались практически с момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. В 1950-х годах сотрудничество регионов было незначительным и ограничивалось торговлей с такими странами, как Египет, Марокко и Судан. В 1960-х – 1970-х взаимодействия стали интенсифицироваться. Это было связано с началом оказания КНР экономической помощи странам Африки, которая в большинстве своем была представлена товарными кредитами. Круг партнеров расширился, а основу экспорта КНР в Африку составляли промышленные товары народного потребления, машины и оборудование. В свою очередь Китай импортировал сырьевые товары. В первое десятилетие проведения политики «реформ и открытости» структура сотрудничества сильно изменилась в сторону ослабления контактов ввиду того, что приоритетным в этот период Китай считал сотрудничество с развитыми странами, в первую очередь с теми, где проживали «хуацяо», а также ввиду постепенного отхода от логики социалистической взаимопомощи. К началу 1990-х годов ситуация стала выравниваться. На фоне этих событий и начался современный этап сотрудничества Китая со странами Тропической Африки, который характеризуется высокой интенсивностью взаимодействий в области инвестиций, частных и публичных, портфельных и прямых.¹⁰⁸

Как было сказано выше, современное инвестиционное сотрудничество КНР и стран Африки началось во время третьего этапа формирования инвестиционной стратегии азиатского государства (1990-2005 гг.). Тогда среди приоритетных целей инвестирования, существующих сегодня, наиболее значимой для Китая было получение доступа к ресурсным базам за рубежом, которые должны были обеспечивать все увеличивающийся объем национального производства сырьем и энергоресурсами. Таким образом, ввиду физикогеографических особенностей континента акценты китайских инвесторов начали с

¹⁰⁸ Плотников, А. Ю. Инвестиционная политика Китая в контексте послевоенного экономического развития страны // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №4(52). – С. 30

смещаться от Северной Африки в сторону Африки южнее Сахары. Также ввиду того, что нефтегазовая отрасль была единственной достаточно развитой для международного сотрудничества отраслью экономики во многих африканских странах, первые китайские инвестиции были направлены именно в этот сектор, так как на тот момент Китайские инвесторы не могли позволить себе участие в проектах с высоким порогом входа.¹⁰⁹ Так и были сделаны первые шаги на пути к более тесному сотрудничеству между регионами.

Столкнувшись с необходимостью удовлетворять потребности населения и промышленности в энергоресурсах не только за счет добычи внутри страны, но и за счет импорта, Китай обратил свое внимание на Африканский континент главным образом по трем причинам. Во-первых, в регионе сосредоточены большие запасы тех энергоресурсов, которые постепенно начинают иссякать у их традиционных экспортеров, и эти запасы еще не были взяты под контроль западными ТНК. Китай стремился к диверсификации поставок критически важных для производства энергоресурсов. Во-вторых, законодательство большинства африканских государств южнее Сахары на тот момент не содержало количественных или иных ограничений на ввозимый в страну иностранный капитал, размещаемый в наиболее перспективных отраслях. В-третьих, по сравнению с другими странами-экспортерами энергоресурсов функция госаппарата стран региона являлась намного менее изощренной, что создавало меньше институциональных барьеров для проникновения китайского капитала.¹¹⁰ Более того, Китай со странами Тропической Африки традиционно связывают хорошие отношения, которые не были испорчены колониальным прошлым или другими конфликтами; КНР воспринимается в регионе как лидер сообщества развивающихся стран. Все это сделало Тропическую Африку наиболее перспективным регионом для китайского стратегического инвестирования, а страны региона — потенциальными партнерами, предлагающими наилучшие условия сотрудничества.

В конце 1990-х годов КНР начала активно включаться в процесс либерализации условий деятельности инвесторов в Африке. Для этого с африканскими странами заключалось большое количество двухсторонних соглашений о защите и гарантиях инвестиций, избежании двойного налогообложения, льготах для совместных предприятий

¹⁰⁹ Чи, С. Жилина, Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2012. — №1(14). — С. 14-15

¹¹⁰ Баринов, А. Э. О роли Китая в африканском регионе, в условиях усиления интеграционных процессов // Финансы и кредит. — 2008. — №31(319). — С. 50

и др.¹¹¹ Активизация деятельности китайских инвесторов и увеличение количества инвестиционных проектов стали результатом данных межправительственных мер. Несмотря на то, что изначально большинство компаний, действующих в Африке, были государственными, присутствие частного бизнеса на континенте постепенно росло.

В начале 2000-х годов Китай стал облачать инвестиционное сотрудничество с Тропической Африкой в более упорядоченную системную стратегию (что справедливо и для отношений с другими регионами). Так как на том этапе главный интерес Китая состоял в разработке месторождений энергоресурсов, на данный регион распространялась китайская стратегия по обеспечению энергетической безопасности страны. Она включала в себя меры по диверсификации источников энергетических ресурсов для обеспечения бесперебойных поставок углеводородного сырья в КНР. Так, было запланировано создать 5 независимых зон, из которых бы происходили поставки ресурсов в Китай: Персидский залив, Центральная Азия, Сибирь и Дальний Восток, Латинская Америка и Африка. Осуществление данного плана требовало значительного увеличения импорта из стран Африки, с этой целью в структуре китайских инвестиций значительно возросли капиталовложения в этот регион как в относительном, так и в абсолютном значениях.¹¹² По оценкам некоторых экспертов, данная стратегия, принятая китайским правительством в начале 2000-х годов, включала в себя не только курс на обеспечение стабильного притока энергоресурсов в материковый Китай, но и ставила целью «сформировать зону влияния на африканском континенте, усилить роль Китая в качестве крупного торгово-экономического партнера африканских стран, обеспечить надежный и устойчивый доступ к природным ресурсам континента и превратить китайские компании в ведущих участников мировой торговли и трансграничной инвестиционной деятельности»¹¹³.

Принято считать, что Китай в Тропической Африке занял некую вакантную нишу после развала СССР и резкого спада интенсивности взаимодействий России со странами региона. Преследуя изначально цели, связанные с природными ресурсами, Китай также начинал развивать сотрудничество по намного более широкому спектру вопросов (строительство крупных объектов, инфраструктуры, развитие всестороннего сотрудничества по государственной линии, обмен делегациями на высоком уровне). Так,

¹¹¹ Томберг, Р. И. КНР – Африка: экономические связи // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №7(648). – С.62

¹¹² Нагиев, А. И. Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №4. – С.16

¹¹³ Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ) // Сводный каталог периодики библиотек России. – 2006. – URL: <http://ucpr.arbicon.ru/bink95.html> (дата обращения: 20.04.2021)

Китай постепенно превращался в главного партнера стран региона не только в одной обособленной сфере, но и в принципе во всестороннем сотрудничестве с государствами региона. Таким образом, после ухода СССР из Африки КНР заняла его место, заполучив соответствующее влияние. Это подтверждается тем, что с 1991 по 2000 годы товарооборот Китая и стран Африки увеличился в 6 раз, в то время как экономические отношения африканских стран со странами СНГ стали менее интенсивными.¹¹⁴

Мировой финансовый кризис 2008 г. способствовал укреплению позиций Китая на мировом рынке в целом и в добывающей отрасли в частности. Как известно, в этот период Китай, в отличие от большинства стран мира, практически не ощутил на себе последствий экономического кризиса: в это время среднегодовой прирост ВВП страны составлял около 9%.¹¹⁵ Это позволило КНР воспользоваться упадком многих энергетических компаний по всему миру и инвестировать часть значительных накопленных золотовалютных резервов в стратегически важную отрасль, скупив активы разорившихся компаний по низкой цене. Таким образом Китай сильно повысил уровень своей энергетической безопасности. Все вышесказанное справедливо и для нетопливных добывающих предприятий африканского региона, права на пользование которыми с тех пор в той или иной форме стали более активно концентрироваться в руках китайских инвесторов.

С середины первого десятилетия XXI в. по инициативе Китая начинает осуществляться новый комплекс мер по расширению сотрудничества как в рамках ключевой на тот момент добывающей отрасли, так и вне ее. Так, в 2007 г. на средства Государственного банка развития Китая был создан Китайско-африканский фонд развития (CADF), который с тех пор выделяет средства китайским предприятиям и компаниям, инвестирующим в страны Тропической Африки.¹¹⁶ Параллельно с этим Китаем в Африке было запущено около 10 центров инвестиций и торговли. К концу первого десятилетия XXI в. в Африке начали появляться особые экономические зоны, созданные по подобию китайских СЭЗ, появившихся в начале 1980-х годов и доказавшие свою эффективность в качестве одного из принципов стратегии по поощрению притока инвестиций. Первая такая

¹¹⁴ Дегтерев, Д. Китай-Африка: важные аспекты отношений // МЭиМО. – 2005 – № 5. – С. 84

¹¹⁵ GDP growth (annual %) - China, United States, United Kingdom, Germany // The World Bank. - 2021. - URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN-US-GB-DE> (дата обращения: 15.04.2021)

¹¹⁶ Introduction // China-Africa Development Fund. – URL: <http://en.cadfund.com/Column/25/0.htm> (дата обращения: 30.04.2021)

зона была создана в 2009 г. в столице Замбии Лусаке.¹¹⁷ В дальнейшем подобные территории, являющиеся магнитом для китайских инвестиций и обеспечивающие местное население рабочими местами, стали учреждаться и в других странах.

Несмотря на то, что первичной стратегической целью китайского инвестирования в Тропической Африке является получение доступа к более обширным ресурсным базам, политика КНР в регионе не ограничивается этим. Существует огромное количество несырьевых проектов, которые также обеспечивают общее развитие и повышение уровня жизни в странах Африки. Конечно, большинство из этих проектов являются коммерческими. Среди них можно выделить капиталовложения в инфраструктурные проекты, производство текстильных изделий, строительство, розничную торговлю, телекоммуникации и др. Однако существует также быстро растущее количество некоммерческих проектов, направленных на повышение уровня жизни африканцев. В целом, политику КНР в отношении африканских стран можно назвать достаточно дружественной и миролюбивой, так как Китай не требует от местных правительств изменения политического курса страны в обмен на сотрудничество и инвестиции. Сотрудничество не обусловлено политическим режимом, соблюдением прав человека или другими характеристиками страны-реципиента. С одной стороны, такой подход при китайском государственном инвестировании говорит о нацеленности Китая на равное сотрудничество без посягательства на суверенитет и оказания политического давления на африканских партнеров. В отличие от западных инвесторов в Тропической Африке, при прочих равных Китай вкладывает одинаковый объем средств в страны с различным уровнем развития политической системы, прав человека, демократии, ввиду чего доля китайских инвестиций в тех странах Тропической Африки, где государственные институты слабы, значительно выше.¹¹⁸ Однако с другой стороны, мы можем видеть, что подобные действия поощряют недемократические, репрессивные режимы, что в контексте международной обязанности защищать и повышения приоритетности прав человека может вызывать осуждение со стороны других государств. Важным элементом сотрудничества КНР с африканскими странами также является обмен визитами на высоком уровне на

¹¹⁷ Цокиев, С. Р. Китайские инвестиции в Африке // Вестник ИЖГТУ им. М. Т. Калашникова. – 2013. – №1. – С. 50

¹¹⁸ Chen, W. Dollar, D. Heiwai, T. Why Is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level // The World Bank Economic Review. - № 32(3). – 2018. – P. 629

постоянной основе, а также проведение форума «Китай – Африка» и саммитов с участием руководства африканских стран.

Современный этап сотрудничества КНР со странами Африки характеризуется диверсификацией отраслей экономики, в развитии которых принимает участие китайский капитал, а также увеличением интенсивности связей с государствами, не богатыми природными ресурсами, которые ранее были причиной установления активных инвестиционных отношений. Это подтверждается деталями поездки Председателя КНР Си Цзиньпина, который в 2018 г. посетил не только ЮАР, являющийся одним из традиционных партнеров КНР, но и такие страны, как Сенегал, Руанда, Маврикий. Данный выбор стран не случаен и показывает стремление КНР приобрести влияние в Африке, позиционируя себя как партнера африканских стран в индустриализации. Исследователи утверждают, что подобные визиты предпринимаются с целью побуждения африканских стран стать частью или принимать более активное участие в китайской инициативе пояса и пути.¹¹⁹ Такая политика говорит о признании крайней важности африканских партнеров для Китая в условиях торговой войны с США. Ввиду пассивного торгового баланса у стран Африки с Китаем его все чаще обвиняют в проведении политики неокOLONиализма. Так, к 2018 г. страны Африки суммарно имели отрицательный торговый баланс с Китаем в объеме 27.91 млрд долларов.¹²⁰ Однако нельзя не отметить большую выгоду от сотрудничества, предлагаемого Китаем, выраженную в развитии инфраструктуры и поддержке индустриализации этих стран.

В 2011 г. в Китае была издана так называемая Белая книга о внешней помощи, по данным которой, уже на тот момент более половины всей помощи для развития приходилось на страны Африки, около трети – на страны Азии, менее 10% - на страны Латинской Америки. С 2000 по 2014 годы Китаем (китайским правительством, банками и компаниями) было предоставлено Африке займов на 80 млрд. долларов США. Наибольший объем средств за этот период получили Ангола, Эфиопия, Кения, Судан и ДРК.¹²¹ Этот список говорит о том, что получателями китайской помощи являются не только страны,

¹¹⁹ Brautigam, D. Xi Jinping Is Visiting Africa This Week. Here Is Why China Is Such a Popular Development Partner // The Washington Post. - 2018. - URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/07/24/xi-jinping-is-visiting-africa-this-weekheres-why-china-is-such-a-popular-development-partner/?utm_term=.7b42b1c360d1 (дата обращения: 15.04.2021)

¹²⁰ Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. – 2019. - P. 128

¹²¹ Albert, E. China in Africa // Council on Foreign Relations. - 2017. - URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa> (дата обращения: 15.04.2021)

богатые ресурсами. Из этого следует, что Китай уже вышел за рамки только лишь поиска ресурсной базы на Африканском континенте.

На сегодняшний день двухстороннее финансирование стран африканского региона Китаем в основном происходит в форме займов и кредитов, предоставляемых крупными банками и Китайско-африканским фондом развития. Каждый финансовый институт Китая, вовлеченный в финансирование различных инвестиционных проектов в Африке южнее Сахары отдает приоритет определенным более узким секторам экономики. Так, например, Государственный банк развития Китая финансирует, в основном, мелкие и средние китайские предприятия, которые участвуют в развитии Африки, делая упор на сельскохозяйственные проекты, а основным источником финансирования Тропической Африки, согласно статистике, является Эксимбанк, который за первые 15 лет XXI в. предоставил займы большинству стран континента на 63 млрд долларов.¹²² Наряду с государственными компаниями, важную роль в финансировании различных проектов играют вложения частных компаний различного масштаба. В силу своей специфики в контексте китайских реалий они имеют меньший объем по сравнению с государственными, а также меньшую систематичность и согласованность.

Несмотря на то, что китайские инвесторы обратили свое внимание на проекты, связанные с инфраструктурными объектами в Африке, еще в первом десятилетии XXI в. и с тех пор постепенно наращивали свое присутствие в данной отрасли, поворотным моментом стал запуск китайским правительством уже упомянутой инициативы пояса и пути в 2013 г. На данный момент именно она определяет характер и структуру китайского инвестирования в страны Тропической Африки. Для Китая причины начала массовых вложений в инфраструктурные объекты в Тропической Африке были схожими с причинами старта проектов пояса и пути в других странах. В первой половине второго десятилетия XXI в. уже было очевидно, что транспортная инфраструктура в регионе вскоре не будет способна удовлетворять потребности китайской торговли, создавая некое «узкое горлышко», которое помешает увеличению объемов торговли даже при повышении предложения товаров и услуг, производимых китайскими предприятиями, и спроса на них в регионе. Так, по причине неразвитой инфраструктуры в Африке стоимость транспортных

¹²² Дейч, Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №5. – С. 124

услуг на 50-175% превышает стоимость аналогичных услуг в остальном мире.¹²³ По сравнению с прочими развивающимися странами вдоль пояса и пути инфраструктурная проблема в Африке южнее Сахары являлась особенно острой.

Хотя практически все страны Африки подписали определенные соглашения о сотрудничестве с инициативой, главными партнерами, следовательно, получателями большей части инвестиций в рамках пояса и пути, являются страны Вторичной Африки, имеющие выход к Индийскому океану или же играющие роль важных центров региональной экономической жизни, такие как Танзания, Кения, Эфиопия, Джибути, а также Египет. Это полностью вписывается в географическую структуру морского шёлкового пути как части глобального пояса и пути, который проходит от южнокитайских портов через Индийский океан к восточному побережью Африканского континента.¹²⁴ Степень вовлеченности Китая хорошо иллюстрируется тем фактом, что каждый пятый инфраструктурный проект в Африке финансируется китайскими инвесторами, а каждый третий сооружается за счет китайских фирм.¹²⁵ Китайские организации с финансовой и материально-технической точки зрения вовлечены во все типы инфраструктурных решений, не ограничиваясь только транспортной инфраструктурой. Так, в Тропической Африке, главным образом в ее восточной части, благодаря китайскому финансированию и материально-технической поддержке в рамках инициативы пояса и пути строятся и обновляются автомобильные и железные дороги, морские порты, гидроэлектростанции, реализуются проекты в ИТ секторе и т.д.¹²⁶

Как правило, правительство Китая многосторонним переговорам предпочитает двусторонние соглашения о строительстве объектов в рамках инициативы пояса и пути, так как это позволяет быстрее завершить обсуждение инвестиции и легче согласовать интересы участвующих сторон, а также делает КНР значительно более сильной стороной за столом переговоров. Однако многие китайские проекты, такие как железные дороги Момбаса-

¹²³ Findt, K. Infrastructure and economic development: High potential in East Africa / Insight: The Global Infrastructure Magazine. Megaprojects // KPMG. - No. 4. - 2013. - P. 18. - URL: <https://home.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2013/02/insight-megaprojects.pdf>. (дата обращения: 20.04.2021)

¹²⁴ Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand // Merics. - 2018. - URL: <https://merics.org/en/tracker/mapping-belt-and-road-initiative-where-we-stand> (дата обращения: 24.04.2021)

¹²⁵ Marais, H. Labuschagne, J.-P. If you want to prosper, consider building roads: China's role in African infrastructure and capital projects // Deloitte. - 2019. - URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/industry/public-sector/china-investment-africa-infrastructure-development.html>. (дата обращения: 04.05.2021)

¹²⁶ Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. - 2019. - P. 128

Кампала и Аддис-Абеба-Джибути, являются не национальными, а региональными по своей природе, следовательно, отдельные переговоры с правительствами стран, на территории которых пролегают объекты, представляют собой риск потери целостности проекта в том виде, в котором он был задуман. С другой стороны, проекты планируются таким образом, что их национальные части также представляют собой завершённые инфраструктурные единицы. Например, железная дорога Момбаса-Найроби, являющаяся частью дороги Момбаса-Кампала, сама по себе является важнейшим транспортным маршрутом и приносит выгоды Кении, несмотря на незавершённость дальнейших ее участков, уходящих вглубь территории Уганды. Некоторые эксперты все же считают, что многосторонние переговоры на базе Африканских интеграционных объединений, таких как КОМЕСА, способны обеспечивать выгоды в виде более равных и выгодных условий для стран Тропической Африки, а также гарантий синхронности строительства и завершения целого международного проекта, а не его части в рамках одного государства.¹²⁷

Ключевую роль в установлении диалога между удаленными регионами играют различные саммиты, форумы, двухсторонние встречи и т.д. В 2018 г. прошел третий саммит Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), созданного в 2000 г. На нем были провозглашены принципы будущего сотрудничества, согласно которым будет развиваться инвестиционная деятельность Китая в дальнейшем. Си Цзиньпин заявил, что саммит должен стать мощным импульсом для развития взаимовыгодного сотрудничества Китая и Африки, а также поднятия его на новый уровень. В центре внимания во время обсуждения оказалась инициатива пояса и пути, являющаяся приоритетной для КНР не только в Африке, но и во всем мире. Показывая желание сделать сотрудничество действительно равноправным, Си Цзиньпин также выразил поддержку некоторым инициативам, исходившим от африканской стороны. Итогом заседаний было утверждение нового раунда финансирования стран Африки Китаем в объеме 60 млрд. долларов.¹²⁸

Таким образом, с конца XX в. Китай активно работал над тем, чтобы включить Тропическую Африку в свою инвестиционную орбиту. Инвестиции системно направлялись в добывающую отрасль с целью удовлетворения потребностей китайского производства и домохозяйств. Своеобразным рубежом в процессе осуществления политики

¹²⁷ Calabrese, L. Making the Belt and Road Initiative work for Africa // ODI. – 2019. – URL: <https://odi.org/en/insights/making-the-belt-and-road-initiative-work-for-africa/> (дата обращения: 15.04.2021)

¹²⁸ March, J. China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN. - 2018. - URL: <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html> (дата обращения: 12.04.2021)

энергетической безопасности Китая можно считать 2010 г., когда поставки нефти из Анголы превысили импорт из Саудовской Аравии – так африканское государство стало крупнейшим поставщиком данного вида топлива в КНР.¹²⁹ За несколько десятилетий с начала сотрудничества Китай стал одним из ключевых игроков в Тропической Африке. Однако его доминирующая позиция среди иностранных инвесторов не мешает ему проводить такую политику, которая приносила бы выгоды в том числе и государствам-получателям инвестиций. На современном этапе важнейшей вехой стала смена приоритетов в инвестировании с энергетической отрасли на инфраструктурные проекты. Инициатива пояса и пути отражает долгосрочное видение внешнеэкономических вызовов, с которыми встретится КНР, и то место, которое займут страны Тропической Африки в их решении.

Итак, за 40 лет «реформ и открытости» в Китае его инвестиционная политика доказала свою эффективность. Начавшись с провозглашения Дэн Сяопином курса на построение «социализма с китайской спецификой», она прошла путь от максимального способствования притоку инвестиций в Китай до обширного инвестирования «вовне». Китайские инвестиции за рубежом характеризуются высоким уровнем регулирования частных зарубежных вложений и очень большим объемом капитала, управляемым подконтрольными правительству единицами, которые беспрекословно следуют его внешнеэкономической стратегии. В системе зарубежного инвестирования Китая ключевую роль играют государственные фонды и банки. В контексте гибридной социально-экономической системы инвестиционная политика государства и ее приоритеты видоизменялись со временем. Так, первичной задачей для китайских инвестиций являлось обеспечение промышленности достаточным количеством энергоресурсов, что обуславливало вложения в соответствующую отрасль. В дальнейшем большую важность для Китая приобрели инфраструктурные проекты. Новые приоритеты были закреплены в инициативе пояса и пути, которая воплощает собой современную китайскую инвестиционную стратегию. Страны Тропической Африки в данной системе играют одну из важнейших ролей. На сегодняшний день китайско-африканские экономические отношения находятся на высоком уровне. Показателем этого может служить то, что с 2000 по 2017 годы сумма накопленных китайских инвестиций в регионе возросла с 500 млн. до

¹²⁹ Томберг, Р. И. Китайско-африканские отношения: ресурсы и политика // Вопросы новой экономики. – 2010. – №4(16). – С.71

более чем 41 млрд. долларов США.¹³⁰ Экономическое сотрудничество стран продолжает стремительно развиваться. Свидетельством этому может быть тот факт, что уже 2016 г. стал рекордным по суммарным инвестициям китайских компаний в Африку, которые составили за этот год 14 млрд. долларов.¹³¹ Китай углубляет диверсификацию своих инвестиций в африканскую экономику, в том числе в рамках инициативы пояса и пути. Анализ состояния сегодняшнего партнерства между странами позволяет утверждать, что сотрудничество между ними очень близко к равноправному. Тот факт, что за последние 10 лет КНР значительно увеличила объем капиталовложений в отрасли, которые не являются приоритетными собственно для национальных интересов Китая, однако очень важны для развития экономик стран Тропической Африки, подтверждает то, что политика КНР в регионе едва ли может быть названа эксплуататорской или неоколониалистской. Исходя из современных тенденций, можно предположить, что китайско-африканское сотрудничество и в дальнейшем будет продолжаться в ключе равноправия и взаимных выгод, которые сулит мегапроект пояса и пути.

¹³⁰ Chao, X. FOCAC Beijing Summit Will Benefit China Nigeria Cooperation // This Day. - 2018. - URL: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2018/06/02/focac-beijing-summit-will-benefit-china-nigeria-cooperation/> (дата обращения: 13.04.2021)

¹³¹ Yao, N. Chinese FM to Visit Five African Countries in First Overseas Trip of 2017 // CGTN/ - 2017. - URL: https://news.cgtn.com/news/3d49544d3359544d/share_p.html (дата обращения: 14.04.2021)

Глава 3. Влияние китайских инвестиций на социально-экономическое положение в странах Тропической Африки

3.1. Различные последствия китайского инвестирования в страны Тропической Африки

Зачастую за потоком громких обвинений в ведении неокOLONиальной политики в Тропической Африке в адрес Китая, а также за утверждениями правительства Китая о миролюбивой роли коммунистической партии теряется один из важнейших вопросов инвестиционной политики КНР в Африке южнее Сахары: каковы ее реальные последствия для государств региона и их жителей. Данная глава призвана проиллюстрировать то разноплановое воздействие частных и публичных, малых и крупных китайских инвестиционных проектов в Африке, которое ощущают на себе общества данных стран.

Что касается воздействия китайских инвестиций на социально-экономическое положение местных жителей и государств-получателей в целом, важным является происхождение инвестиционного капитала. В исследованиях и отчетах очень часто все капиталовложения различных китайских субъектов называются одним собирательным термином «китайские инвестиции», что не позволяет вычленить эффект от частного и государственного капитала в Тропической Африке. Влияние частных и государственных инвестиций необходимо рассматривать отдельно, так как в среднем они кардинально различаются по своим масштабам, приоритетным секторам и, следовательно, по тем изменениям, которые они приносят в жизнь африканцев.

Начиная с частных инвестиций, нужно сказать, что такие вложения намного более разнообразны, чем государственные. Если в системе централизованной власти в Китае государственные инвестиции, как прямые, так и портфельные или в виде кредитов, относительно легко координировать и подчинять единой стратегии, разработанной лидерами КПК, то частные компании руководствуются собственными рыночными интересами и исходят из собственных финансовых, материально-технических и иных предпосылок при размещении капитала в странах Тропической Африки. Следовательно, их воздействие на среду может быть разным.

В целом можно сказать, что на данный момент китайские частные компании в Африке вносят значительный вклад в экономическое развитие стран региона. Увеличивая размер местных экономик, они повышают ВВП стран, что положительно сказывается на их совокупном национальном благосостоянии. Китайские предприятия создали тысячи новых

рабочих мест в странах Тропической Африки в добывающем, строительном, производственном и других секторах. Разные исследования показали, что китайские компании в Африке южнее Сахары нанимают от 74% до 90% сотрудников из числа местного населения.¹³² Согласно статистическим исследованиям, китайские инвестиции повышают среднюю производительность труда в Африке. Причиной этого, скорее всего, является то, что в данных отношениях инвестор – Китай – является развивающейся страной, так же как и реципиенты. С исторической точки зрения, это уникальные отношения, которые приносят большие взаимные выгоды по причине меньшего технологического разрыва между донорами и получателями, в отличие от того разрыва, который наблюдался ранее при доминировании инвестирования развитых стран в развивающиеся.¹³³ Однако нужно отметить, что в большинстве случаев речь идет о низкооплачиваемом и низкоквалифицированном труде. На руководящие должности китайские компании предпочитают нанимать экспатов-китайцев. Более того, присутствие китайского бизнеса в регионе, а также частично связанное с этим увеличение объемов ввозимых дешевых китайских товаров вытеснило с рынка менее эффективные местные производственные предприятия. Их закрытие привело к большим потерям рабочих мест.¹³⁴ Китайская деловая активность в регионе составляет серьезную конкуренцию как местным традиционным промыслам, так и бизнесу с более высокой степенью организации. Учитывая тот факт, что предприятия, основанные китайцами, склонны быть более прогрессивными с технологической точки зрения и иметь более высокий уровень автоматизации, остается спорным вопрос о том, может ли новый китайский бизнес в Африке компенсировать потери от резко усилившейся конкуренции, привести к реальному увеличению количества рабочих мест и снижению безработицы.

Отсутствие развитой корпоративной культуры, подобной западной, среди китайских фирм, осуществляющих свою деятельность в Тропической Африке, очень часто оказывает пагубное воздействие на социально-экономическое и экологическое положение в регионе. Зачастую китайскими малыми и средними частными компаниями игнорируются

¹³² Chinese companies using majority of African workers in Africa // China Daily. – 2021. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202104/08/WS606ebca1a31024ad0bab4483.html> (дата обращения: 16.04.2021)

¹³³ Hu, D. You, K. Esiyok, B. Foreign direct investment among developing markets and its technological impact on host: Evidence from spatial analysis of Chinese investment in Africa // Technological Forecasting and Social Change. – Vol. 166. – 2021. – P. 17

¹³⁴ Hanauer, L. Morris, L.J. Chinese Engagement in Africa: Drivers, Reactions, and Implications for U.S. Policy // National Security Research Division. – 2013. – P. 48. - URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR521/RAND_RR521.pdf (дата обращения: 25.04.2021)

все аспекты корпоративной социальной ответственности, а правительства африканских стран, как правило, не способны принудить их к ведению устойчивого бизнеса. Так, во-первых, выбросы с китайских фабрик загрязняют воздух, почву и водоемы, которые зачастую являются единственным источником средств существования для населения. Китай проводит политику вынесения за границу загрязняющих производств сталелитейной, стекольной, кожной и цементной промышленности. Эта политика стала причиной появления китайских фабрик по производству кожи в Сомали и Эфиопии, а также сталелитейных заводов в ЮАР и др. Практически сразу после открытия эти производства были уличены в загрязнении местных водоемов.¹³⁵ Это оказывает негативное воздействие не только на здоровье людей, но и на их экономическое положение, которое напрямую связано с природными ресурсами, которым наносится ущерб. Во-вторых, китайские производственные компании, нанимающие африканцев на самые низкооплачиваемые должности, создают неприемлемые условия труда, которые иногда бывают опасными для здоровья и жизни рабочих. Так, на фабрике IPED Plastics в Мозамбике сотрудники вынуждены работать при очень высокой температуре воздуха и без средств защиты, что приводит к производственным травмам.¹³⁶ В-третьих, распространенная коррупционная деятельность китайских компаний в Тропической Африке ослабляет местные политические институты. Слабо развитая система принуждения в странах региона позволяет китайским компаниям игнорировать местное законодательство с целью повышения эффективности бизнеса. Посредством взяток компании нелегально получают лицензии, избегают уплаты налогов и оплаты штрафов или вовсе ведут запрещенную деятельность. Это создает прецеденты недополученной правительством прибыли, что значительно уменьшает исполнительный потенциал местных властей, а также снижает веру местного населения в политические институты.¹³⁷

Государственные же инвестиции вызывают наиболее оживленные дебаты в мире, которые по своему характеру являются скорее политическими, чем чисто экономическими. Это вызвано тем, что, как было показано выше, такие вложения за рубежом полностью

¹³⁵ Shinn, D.H. The Environmental Impact of China's Investment in Africa // Cornell International Law Journal. – Vol.49. – №1(1). – 2015. – P.40-42

¹³⁶ Мозамбик: Профсоюз шокирован ужасными условиями труда на фабрике // Глобальный союз IndustriALL. – 2018. – URL: <http://www.industrialall-union.org/ru/mozambik-profsoyuz-shokirovan-uzhasnymi-usloviyami-truda-na-fabrike> (дата обращения: 14.04.2021)

¹³⁷ Darboe, M. K. 'This one I'll share with my minister': Fresh bribery scandal hits Fisheries Ministry // Malagen. – 2020. – URL: <https://malagen.com/investigations/this-one-ill-share-with-my-minister-fresh-bribery-scandal-hits-fisheries-ministry/> (дата обращения: 11.05.2021)

подконтрольны китайскому правительству через различные финансовые институты. В силу того, что инициатива пояса и пути на данный момент является ведущей инвестиционной концепцией китайского правительства, влияние инфраструктурных проектов на социально-экономическое положение стран Тропической Африки по большей части и определяет влияние инвестирования Китая в регион как вида его внешнеэкономической деятельности в целом. Ввиду высокого уровня политизации данного вопроса особенно важным представляется его отделение от политических заявлений и исследование реального воздействия китайских государственных инвестиций на различные сферы жизни в развивающихся странах Африки.

В отличие от распределения частных китайских инвестиций, логика которого предполагает тяготение к ресурсным базам, а также лучшим рыночным условиям, географическое расположение инфраструктурных проектов на континенте продиктовано глобальной схемой транспортных коридоров инициативы пояса и пути. Как уже было сказано, в системе инфраструктурных проектов пояса и пути большее внимание уделяется восточноафриканским портам и железным дорогам в таких странах, как Джибути, Эфиопия, Кения, Уганда и др.

По части создания новых рабочих мест в странах Тропической Африки государственные инвестиции также способствуют появлению новых рабочих мест. На начальном этапе сооружение таких крупных инфраструктурных проектов, как морские порты или железные дороги, предоставляет возможность временного трудоустройства местных жителей в качестве строителей (руководящие позиции все так же остаются за экспатами). В дальнейшем же потребность в обслуживании новой инфраструктуры создает постоянные рабочие места. Помимо прямого воздействия на рынок труда во время сооружения и эксплуатации, такие проекты также имеют косвенное положительное воздействие на количество рабочих мест в регионе. Благодаря эффекту перелива активизируется экономическая жизнь вдоль объектов инфраструктуры, что характеризуется в том числе и новыми возможностями для трудоустройства и ведения бизнеса, от малого до крупного.¹³⁸ В отличие от частных китайских инвестиций в производство, инфраструктурные проекты не вытесняют местный бизнес по той причине, что они не имеют уже существующих аналогов в тех странах и не вступают в конфликт с уже действующими предприятиями. Наоборот, как было показано выше, они способствуют

¹³⁸ Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. – 2019. - P. 130

развитию частного бизнеса, поэтому они не вызывают значительных потерь рабочих мест для местного населения. Следовательно, можно утверждать, что инвестиции в рамках инициативы пояса и пути приносят большие выгоды местным экономикам, создавая значительное количество новых рабочих мест. Что же касается корпоративной социальной ответственности и воздействия на экологию, китайское правительство в попытке поддержать имидж китайских фирм за рубежом выдвигает достаточно жесткие требования в этой связи к финансируемым им проектам, что исключает такое пагубное влияние на окружающую среду или такие неприемлемые условия труда рабочих, которые можно наблюдать в случае с частными китайскими компаниями в Африке.

Финансирование инфраструктуры со стороны Китая помогает диверсифицировать экономику стран Африки южнее Сахары. Во-первых, беспрецедентная активность такого крупного мирового игрока, как КНР, привлекает внимание других стран, включая частных инвесторов и государственные фонды, которые инвестируют в различные секторы экономики. Поэтому можно считать, что объем полученных благодаря поясу и пути инвестиций на порядок выше, чем сумма тех средств, которые были непосредственно выделены в рамках инициативы. Помимо коммерческого интереса, высокая степень вовлеченности Китая в экономические дела стран Тропической Африки подстегивает европейские и американское правительство обратить более пристальное внимание на потенциал региона и инвестировать больше в соответствующие страны. Так, государственный визит президента США Барака Обамы в страны Тропической Африки в июне-июле 2013 г. практически повторил маршрут африканского тура Си Цзиньпина, который состоялся тремя месяцами ранее, что может свидетельствовать о стремлении США нагнать Китай и удержать свое влияние в регионе, в том числе за счет дальнейших дополнительных капиталовложений.¹³⁹ Во-вторых, за счет расширения сети путей сообщения, достигнутого за счет улучшения инфраструктуры в рамках пояса и пути, снижаются издержки локального бизнеса, что повышает его производительность, делает его более конкурентоспособным, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Таким образом, китайские инфраструктурные проекты помогают китайскому бизнесу в сфере производства товаров и услуг более плотно закрепиться на собственном внутреннем рынке,

¹³⁹ Xi Jinping visits three African countries 2013 // FOCAC Archives. – 2013. – URL:

<https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zt/1/> (дата обращения: 23.04.2021)

2013 Africa Trip. June 27 – July 2: President Obama's Trip // The White House. – 2013. – URL:

<https://obamawhitehouse.archives.gov/africa-trip-2013> (дата обращения: 23.04.2021)

который уже заполнен иностранной продукцией, а также подстегнуть его распространение за рубеж.¹⁴⁰

Ввиду слабости железнодорожной и автомобильной инфраструктуры внутренняя торговля на континенте составляет лишь 10% от общего объема торговли Африканских стран.¹⁴¹ Большая часть обменов товарами и услугами происходит с третьими странами, среди которых западные страны занимают важнейшее место. Главным образом развивающиеся страны Африки поставляют в развитые страны сырьевые ресурсы и импортируют готовую продукцию. Инфраструктура, предоставляемая проектами пояса и пути, позволяет отчасти решить эту проблему, так как одним из препятствий на пути интенсификации внутриафриканской торговли является именно неразвитость внутренней инфраструктуры, а не только структура национальных экономик отдельных стран. Так, согласно оценкам Экономической комиссии для Африки, при надлежащей реализации проектов пояса и пути экспорт только лишь из стран Восточной Африки будет расти на 192 млн. долларов в год.¹⁴² Интенсификация внутриафриканской торговли позволит построить странам Тропической Африки более устойчивые и самодостаточные экономики.

Проблемой китайско-африканских отношений, которая является частым поводом для обвинений в неокOLONIALИЗМЕ в адрес Китая, является большое отрицательное сальдо внешнеторгового баланса для стран Африки. Импорт китайских товаров в африканские страны значительно превышает экспорт африканских товаров в Китай. Так, по состоянию на 2015 г. дефицит для стран Африки в отношении торговли с Китаем составлял 34 млрд. долларов при общем объеме торговли в 172 млрд. долларов.¹⁴³ В данной ситуации страны Африки южнее Сахары вынуждены перманентно покрывать дефицит средств за счет заимствований. Однако нужно отметить, что торговля не является единственным финансовым потоком, который определяет объем денежных средств в экономике. Другим финансовым потоком являются международные инвестиции. Так, несмотря на то, что США также имеют отрицательное сальдо торгового баланса с Китаем, дефицит средств в

¹⁴⁰ Davies, M. How China Is Influencing African Development: Background Paper for the Perspectives on Global Development 2010. Shifting Wealth // OECD Development Center. – 2010. – P. 21. - URL: <https://www.oecd.org/development/pgd/45068325.pdf> (дата обращения: 15.04.2021)

¹⁴¹ Kimenyi, M.S. Lewis, Z.A. Routman, B. Introduction: Intra-African Trade in Context // Brookings Africa Growth Initiative. – 2011. - P. 1. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/01_intro_intra_african_trade.pdf (дата обращения: 30.04.2021)

¹⁴² Mukwaya, R. Mold, A. Modelling the economic impact of the China Belt and Road Initiative on East Africa // Conference: GTAP 21st Annual Conference on Global Economic Analysis. – 2018. – P.11

¹⁴³ Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. – 2019. - P. 132

экономике страны полностью покрывается за счет инвестиций, которые направляются Китаем в экономику США, например, на покупку суверенного долга.¹⁴⁴ Что же касается Субсахарской Африки, пока что потоки прямых инвестиций из Китая не могут полностью покрыть дефицит, однако китайские инвестиции, в том числе в рамках инициативы пояса и пути, являются ключом к его сокращению на нынешнем этапе. Таким образом, можно сказать, что посредством прямых инвестиций в экономику стран Африки южнее Сахары Китай в определенной мере помогает сократить их долговое бремя.

Описанный выше вызов тесно связан с проблемой «долговых ловушек». Многие исследователи и политики утверждают, что Китай намеренно загоняет африканские страны в долговую яму, предоставляя в больших объемах кредиты по льготным ставкам на реализацию проектов пояса и пути, от которых правительства стран-реципиентов не могут отказаться по внутривнутриполитическим причинам; в конечном итоге они не смогут их выплатить и будут вынуждены идти на большие уступки китайскому правительству как фактическому держателю долга. Например, стоимость железной дороги Аддис-Абеба-Джибути обошлась правительству Эфиопии почти в 4 млрд. долларов, что на момент ее постройки составляло около четверти государственного бюджета страны.¹⁴⁵ Такое соотношение заставляет усомниться в возможности обслуживания подобного долга странами Тропической Африки. В качестве вероятного выхода из подобных «долговых ловушек» исследователями приводится пример списания Китаем в 2017 г. 8 млрд. долларов долга Шри-Ланки на строительство нового порта Хамбантота в обмен на 99 лет аренды этого порта.¹⁴⁶ Однако стоит отметить, что подобных прецедентов в отношении инфраструктурных проектов в Африке южнее Сахары пока что не было. Согласно оценкам, 20% госдолга стран Африки держит правительство Китая, что действительно указывает на очень большое потенциальное влияние государства в случае, если встанет вопрос реструктуризации либо же списания долгов, с которыми не справляются африканские

¹⁴⁴ Хуан, Ю. Почему торговый баланс США с Китаем не так уж важен // Московский центр Карнеги. – 2017. – URL: <https://carnegie.ru/2017/04/14/ru-pub-68674> (дата обращения: 15.04.2021)

¹⁴⁵ Su, X. Why Chinese Infrastructure Loans in Africa Represent a Brand-New Type of Neocolonialism. How will African countries repay massive debts to China? // The Diplomat. – 2017. – URL: <https://thediplomat.com/2017/06/why-chinese-infrastructure-loans-in-africa-represent-a-brand-new-type-of-neocolonialism/> (дата обращения: 10.04.2021)

¹⁴⁶ Hurley, J. Morris, S. Portelance, G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // Center for Global Development. – 2018. – P. 20. – URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf> (дата обращения: 01.05.2021)

правительства.¹⁴⁷ Потенциальная проблема сверхзадолженности усугубляется прецедентами коррупции на самом высоком уровне в африканских правительствах. В итоге подписываются договоры о финансировании проектов с искусственно завышенной стоимостью, что повышает вероятность не справиться с бременем финансового долга.¹⁴⁸ С другой стороны, известно, что Китай прекращает или ограничивает финансирование тех стран, которые не справляются с обслуживанием долга, что указывает на чисто рыночное поведение его правительства и опровергает обвинения в целенаправленной политике по созданию «долговых ловушек» для стран Тропической Африки. Более того, из всех африканских партнеров инициативы пояса и пути лишь 6 стран имеют существенно большую задолженность перед Китаем.¹⁴⁹ Так, в научном сообществе еще нет консенсуса по вопросу о том, является ли кредитование инфраструктурных проектов Китаем прямой дорогой к «долговым ловушкам».

Несмотря на то, что инициатива пояса и пути позиционируется как исключительно экономический проект, существует одно исключение, которое выводит его из сферы чисто коммерческих предприятий. Что касается китайского влияния на военно-политическую сферу в рамках осуществления инициативы пояса и пути, большие опасения и сомнения в искренности китайского правительства и мирной сущности его проектов вызывает открытие в 2017 г. китайской военной-морской базы в Джибути. «Логистическая вспомогательная база», как ее предпочитают называть китайские власти, стала первой китайской военной базой за пределами суверенной территории КНР. Она имеет стратегическое расположение у входа в Баб-эль-Мандебский пролив, через который проходят важнейшие мировые торговые пути, в том числе и морской шелковый путь. Несмотря на то, что в Джибути также есть американская, японская, итальянская и французская военные базы, страны Запада считают китайскую базу в Джибути

¹⁴⁷ Africa's growing debt crisis: Who is the debt owed to? // Jubilee Debt Campaign. – 2018. – P.9. – URL: https://jubileedebt.org.uk/wp/wp-content/uploads/2018/10/Who-is-Africa-debt-owed-to_10.18.pdf (дата обращения: 02.05.2021)

¹⁴⁸ 'Entebbe Expressway cost inflated by Shs55b' // Daily Monitor. – 2016. – URL: <https://www.monitor.co.ug/uganda/news/national/-entebbe-expressway-cost-inflated-by-shs55b--1674384> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁴⁹ Acker, K. Brautigam, D. Twenty Years of Data on China's Africa Lending // China-Africa Research Initiative. - №4. – 2021. – P. 6. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/605cb1891cb0ff5747b12167/1616687497984/BP+4+-+Acker%2C+Brautigam+-+20+Years+of+Data+on+African+Lending.pdf> (дата обращения: 20.04.2021)

значительной угрозой.¹⁵⁰ Целью китайского контингента, который по оценкам составляет около 2000 человек, провозглашается участие в миротворческих операциях под эгидой ООН, оказание гуманитарной помощи и борьба с пиратством. Однако на данный момент база с ограниченной интенсивностью используется в основном для тренировки китайских военных, а также для обеспечения безопасности важных объектов инициативы пояса и пути и не представляет угрозы для безопасности в регионе.¹⁵¹ С другой стороны, как утверждают исследователи, развертывание военной базы в Джибути является лишь первым шагом в наращивании военного присутствия Китая в мире, а охрана объектов пояса и пути стала лишь фактором, определившим место расположения первой базы.¹⁵²

Итак, китайские инвестиции оказывают разноплановое влияние на социально-экономическое положение в странах Тропической Африки. Государственные и частные инвестиции, хоть зачатую и упоминаются вместе, имеют несколько различное воздействие на жизнь в Африке южнее Сахары. Так, частные инвестиции приводят к созданию новых рабочих мест, хоть и оказывают давление на уже существующий африканский бизнес; повышают среднюю производительность труда на предприятиях региона; с другой стороны, зачастую наносят экологический ущерб, осложняют экономическую ситуацию для традиционных промыслов, а также ослабляют местные политические институты. Будучи в данный момент сосредоточенными на инфраструктурных проектах, государственные китайские инвестиции в Африке повышают качество путей сообщения, что позволяет привлекать больше инвестиций в регион, создавать новые рабочие места, диверсифицировать экономику. Среди негативных последствий инициативы пояса и пути можно назвать повышение задолженности африканских правительств перед Китаем, что может привести к их дефолту при нерациональном финансовом планировании, которое усугубляется коррупцией в высших эшелонах власти. Инициатива пояса и пути также стала одной из причин размещения в Джибути первой военной базы КНР за пределами суверенной территории Китая.

¹⁵⁰ Wang, X. Ruet, J. Richet, X. One Belt One Road and the reconfiguration of China-EU relations // HAL. – 2017. – P. 12. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01499020/document> (дата обращения: 15.04.2021)

¹⁵¹ Cabestan, J.P. China's Djibouti naval base increasing its power // East Asia Forum. – 2020. – URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/16/chinas-djibouti-naval-base-increasing-its-power/> (дата обращения: 16.04.2021)

¹⁵² Cabestan, J.P. China's Military Base in Djibouti: A Microcosm of China's Growing Competition with the United States and New Bipolarity // Journal of Contemporary China. – 2019. - P. 146. – URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2131/doi/pdf/10.1080/10670564.2019.1704994> (дата обращения: 06.05.2021)

3.2. Кейс китайских инвестиций в инфраструктурные проекты в Восточной Африке

Новые автомобильные и железные дороги в Восточной Африке являются ярчайшим примером тех изменений, которые приносят китайские инвестиции в жизнь стран Тропической Африки. Они являются символом инфраструктурного прогресса, который должен ускорить социально-экономическое развитие развивающихся стран региона. Несмотря на привлекательность идеи о долгосрочной полезности транспортной инфраструктуры, не каждый объект может стать наилучшим вложением средств в условиях конкретной страны. Уместность и эффект от различных инфраструктурных объектов, сооруженных в контексте пояса и пути, будут проиллюстрированы на примере двух проектов: железной дороги Найроби-Момбаса в Кении и скоростной автомагистрали Энтеббе-Кампала в Уганде.

Железная дорога Найроби-Момбаса со стандартной колеей (Standard Gauge Railway – SGR) соединяет столицу Кении, которая является крупнейшим городом и экономическим центром государства и главный порт страны и региона Момбаса, являющийся важнейшей точкой входа морского шелкового пути на Африканский континент. Построенная в 2017 г., она уменьшила время, необходимое для преодоления 480 км от города Момбаса до столицы Кении, примерно в 2 раза: до 4 часов для пассажирских составов и до 8 часов для грузовых.¹⁵³ Неэлектрифицированная железная дорога Найроби-Момбаса, включающая в себя 9 станций, является частью большого проекта железной дороги SGR от порта Момбаса вглубь континента в Уганду, Руанду, Конго и Южный Судан, который продвигается в рамках китайской инициативы пояса и пути.

Строительство первых двух участков кенийской SGR, включая участки Момбаса-Найроби и Найроби-Наиваша, было профинансировано Эксимбанком Китая в рамках инициативы пояса и пути. Из 3.8 млрд. долларов, необходимых на сооружение первой очереди, китайский государственный банк в форме кредита предоставил 90%, остальные 10% были покрыты правительством Кении, что говорит о том, что изначально Кения в данном проекте в значительной мере опиралась на китайские заемные средства.¹⁵⁴ Участие

¹⁵³ Yoeli, M. Belt and Road in Kenya: COVID-19 Sparks a Reckoning with Debt and Dissatisfaction // Council on Foreign Relations. – 2021. – URL: <https://www.cfr.org/blog/belt-and-road-kenya-covid-19-sparks-reckoning-debt-and-dissatisfaction> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁵⁴ Carrai, M. A. China's Adaptive Governance: A Tale of Two BRI Railroad Megaprojects in East Africa // SOAS University of London: China Institute. – 2021. – URL: <https://blogs.soas.ac.uk/china-institute/2021/01/19/a-tale-of-two-bri-railroad-megaprojects-in-east-africa/> (дата обращения: 16.04.2021)

Китая также сохранялось во время и после окончания строительных работ, так как Китайская компания строительства коммуникаций была подрядчиком при строительстве, а также управляющей компанией в период эксплуатации.

В условиях пандемии коронавируса экономика Кении, как и других государств, замедлилась, что сильно повлияло на способность государства обслуживать свои долги, в том числе перед Китаем по проектам пояса и пути. В связи с этим в начале 2021 г. Китай согласился отсрочить платежи по кредитам на постройку второй очереди SGR.¹⁵⁵ Это говорит в пользу того, что Китай не преследует цель загонять страны в «долговые ловушки» для того, чтобы получить политический контроль над ними. Для китайского правительства в первую очередь важно, чтобы страна была стабильным партнером, поддерживающим экономические обмены. Именно поэтому было принято решение о временном ослаблении кредитного бремени Кении, в особенности при том, что она является важнейшим стратегическим транспортным хабом на востоке Африки в рамках инициативы пояса и пути, а также крупнейшей экономикой региона.¹⁵⁶ С другой стороны, ситуация с частью комплексной инфраструктуры, в состав которой входит SGR, наоборот, может подтверждать тот факт, что Китай намеренно создает невыгодные условия кредитования для стран Тропической Африки и ожидает их дефолта. Так, китайский Эксимбанк, финансирующий также реновацию порта Момбаса, согласно договору о кредитовании, имеет право забрать в свою собственность порт в том случае, если правительство Кении не сможет выплачивать кредит, выданный на строительные работы.¹⁵⁷ Порт фактически заложен, что делает права правительства Кении на него весьма шаткими в условиях экономической нестабильности.

Ввиду опыта проблем с выплатами по китайским кредитам, а также факта двукратного отказа Эксимбанка финансировать третью очередь проекта кенийское правительство в 2021 г. приняло решение построить последний участок SGR и довести

¹⁵⁵ Herbling, D. China Delays \$245 Million of Kenyan Government Debt Payments // Bloomberg. – 2021. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-20/china-allows-kenya-to-delay-245-million-jan-june-debt-payments> (дата обращения: 20.04.2021)

¹⁵⁶ Yoeli, M. Belt and Road in Kenya: COVID-19 Sparks a Reckoning with Debt and Dissatisfaction // Council on Foreign Relations. – 2021. – URL: <https://www.cfr.org/blog/belt-and-road-kenya-covid-19-sparks-reckoning-debt-and-dissatisfaction> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁵⁷ Nantulya, P. Reshaping African Agency in China-Africa Relations // Africa Center for Strategic Studies. – 2021. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/reshaping-african-agency-china-africa-relations/> (дата обращения: 17.04.2021)

железную дорогу до Уганды всецело за собственные средства.¹⁵⁸ При этом подрядчиком остается Китайская корпорация по строительству дорог и мостов (дочерняя компания Китайской компании строительства коммуникаций), которая строила эту дорогу еще от порта Момбаса.¹⁵⁹ Это ознаменовало начало более умеренной стратегии Кении в отношении китайских кредитов и стремление опираться в большей степени на собственные ресурсы. По той же причине в 2021 г. Кения объявила о разрыве контракт по управлению SGR с Китайской корпорацией по строительству дорог и мостов и передает управление Кенийской железнодорожной корпорации, так как операционные расходы при управлении китайской компанией были завышены, по мнению правительства.¹⁶⁰

Что касается того влияния, которое строительство железной дороги оказало на социально-экономическое развитие Кении, бесспорными являются ее логистические преимущества, которые позволили транспортировать грузы и перевозить людей намного быстрее, дешевле и комфортнее. Постройка SGR снизила стоимость товаров из-за уменьшения транспортных расходов, что увеличило конкурентоспособность кенийских производителей. Также из-за масштабного строительства Кения ощущала ускоренный рост в строительном секторе, например, в производстве цемента, который, однако, замедлился после завершения проекта. Во время и после сооружения инфраструктурного объекта была заметна интенсификация торговли между Китаем и Кенией, по большей части в виде увеличения импорта китайских товаров, что привело к увеличению дефицита торгового баланса Кении. Необходимо также отметить негативное влияние проекта на окружающую среду, а именно большой ущерб местной фауне в районе сооружения дороги. Так как туризм является важным источником прибыли для Кении, вред окружающей среде проекта наносит ущерб экономике страны в целом.¹⁶¹ Согласно некоторым подсчетам, постройка железной дороги создала 60 рабочих мест на каждый километр, то есть около 30000 рабочих

¹⁵⁸ China holds back funding for latest Kenya railway phase // Global Construction Review: News. – 2018. – URL: <https://www.globalconstructionreview.com/news/china-holds-back-funding-latest-kenya-railway-phas/> (дата обращения: 14.04.2021)

¹⁵⁹ Olander, E. Kenya to Finally Extend the SGR to the Ugandan Border... Without Any Chinese Financing // The China-Africa Project. – 2021. – URL: <https://chinaafricaproject.com/2021/02/17/kenya-to-finally-extend-the-sgr-to-the-ugandan-border-without-any-chinese-financing/> (дата обращения: 23.04.2021)

¹⁶⁰ Kenya to take over Chinese-operated rail line five years early // Global Construction Review: News. – 2021. – URL: <https://www.globalconstructionreview.com/news/kenya-take-over-chinese-operated-rail-line-five-ye/> (дата обращения: 15.04.2021)

¹⁶¹ Githaiga, N. M. Belt and Road Initiative in Africa: The Impact of Standard Gauge Railway in Kenya // Chins Report. - №3 - 2019. - P. 225-230

мест вдоль всего пути от Момбасы до Найроби.¹⁶² Однако многие из тех функций при постройке и эксплуатации, которые могли выполняться местными рабочими, выполнялись китайцами. Так, 38 кенийцев были обучены машинистами, а 50 китайцев были наняты китайской компанией, управлявшей SGR, причем китайским сотрудникам платили больше.¹⁶³

Открытие железной дороги повлияло не только на ее крайние точки, но и на населенные пункты, расположенные вдоль нее. Например, город Вои примерно на полпути из Момбасы в Найроби ощутил на себе эффект перелива от инфраструктуры SGR. Город развился как транзитный пункт, где останавливаются люди, путешествующие между крупными городами. Это способствовало подъему местной туристической индустрии, которая обеспечивает транзитных пассажиров услугами гостиниц и ресторанов. Помимо этого, с постройкой железной дороги на городских рынках стремительно увеличилось количество китайской продукции.¹⁶⁴

Так, проект SGR в рамках китайской инициативы пояса и пути принес значительные выгоды для Кении, такие как создание большого количества рабочих мест, улучшение качества жизни людей, пользующихся этим транспортным направлением, повышение конкурентоспособности кенийской экономики. Что характерно для многих инвестиционных проектов в рамках пояса и пути, главным его минусом стала сверхзадолженность, представляющая собой большой вызов для Кении. Что касается принципов кредитования, которыми пользовался Китай в данной ситуации, в случае с SGR были как аспекты, подтверждающие факт преднамеренного хищнического кредитования со стороны КНР, так и опровергающие его.

Спорным инфраструктурным проектом с точки зрения соотношения затрат и полученных в итоге выгод является скоростная автомагистраль Энтеббе-Кампала в Уганде. Несмотря на то, что ее строительство началось в 2012 г., когда инициатива пояса и пути еще не была формально объявлена Си Цзиньпином, в целом мы можем считать данный проект частью крупномасштабной китайской кампании по финансированию инфраструктурных объектов в Африке, так как с определенной уверенностью можно утверждать, что на тот

¹⁶² Impact of the Standard Gauge Railway on the Economy // Soko Directory. – 2016. – URL: <https://sokodirectory.com/2016/03/impact-of-the-standard-gauge-railway-on-the-economy/> (дата обращения: 19.04.2021)

¹⁶³ Wafula, P. Exclusive: Behind the SGR walls // The Standard. – 2018. – URL: <https://www.standardmedia.co.ke/counties/article/2001287119/behind-the-sgr-walls> (дата обращения: 24.04.2021)

¹⁶⁴ Belt and Road 's impact on Kenya // CGTN America. – 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=4vwXkf5XKaQ> (дата обращения: 01.05.2021)

момент концепция пояса и пути была в той или иной мере сформирована правительством Китая и уже оказывала влияние на принятие решений о старте подобных проектов.

Скоростная автомагистраль Энтеббе-Кампала – это автодорога, соединяющая столицу Уганды с главными воздушными воротами страны – международным аэропортом Энтеббе. Протяженность четырехполосной автомагистрали, включая подъездную дорогу, составляет всего лишь около 50 км. Введенная в эксплуатацию в 2018 г., она стала первой платной дорогой в Уганде. С максимальной разрешенной скоростью в 100 км/ч она сократила время в пути из Кампалы в аэропорт с 2 часов до 30 минут. Несмотря на довольно скромную протяженность автомагистрали, ее строительство обошлось в 476 млн. долларов. Из них 126 млн. долларов было оплачено непосредственно правительством Уганды, а оставшиеся 350 млн. долларов были предоставлены Эксимбанком Китая в форме льготного кредита со сроком погашения 40 лет. На предоставлении кредита участие Китая в проекте не закончилось, так как собственно сооружением автострады занималась Китайская компания строительства коммуникаций.¹⁶⁵ Согласно подсчетам, стоимость сооружения автомагистрали в Уганде за километр была в 2 раза выше стоимости автомагистрали Аддис-Адама в Эфиопии, построенной тем же подрядчиком и имеющей большее количество сложных инженерных элементов.¹⁶⁶ Что характерно для подобных инфраструктурных проектов, финансируемых Китаем, процесс сооружения автомагистрали обеспечил значительное количество рабочих мест для местных работников – около 2000, что несомненно стало плюсом для экономического развития.¹⁶⁷ Однако это были лишь временные рабочие места, которые были упразднены после окончания строительства.

Инициатором проекта со стороны Уганды президентом Мусевени, а также китайскими СМИ проект преподносился как крайне необходимая транспортная артерия для страны, которая станет залогом повышения благосостояния граждан.¹⁶⁸ Но исходя из несоразмерных затрат и ограниченной сферы применения дороги было бы логично предположить, что автомагистраль Энтеббе-Кампала является примером тех коррупционных проектов с явно завышенной стоимостью и сомнительной общественной

¹⁶⁵ Kampala-Entebbe Expressway, Uganda // Road Traffic Technology. – 2021. – URL: <https://www.roadtraffic-technology.com/projects/kampala-entebbe-expressway-uganda/> (дата обращения: 20.04.2021)

¹⁶⁶ Biryabarema, E. Chinese-built expressway divides Uganda as debts mount // Reuters. – 2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-uganda-road-idINKBN1FK0V1> (дата обращения: 20.04.2021)

¹⁶⁷ Feature: Chinese-built expressway speeding up traffic to Uganda's gateway // Xinhua. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/15/c_137256494.htm (дата обращения: 19.04.2021)

¹⁶⁸ Feature: Chinese-built expressway speeding up traffic to Uganda's gateway // Xinhua. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/15/c_137256494.htm (дата обращения: 19.04.2021)

полезностью. Несомненно, новая дорога принесла выгоды китайскому подрядчику и людям, добирающимся в аэропорт из столицы страны, а также транспортным компаниям, работающим с аэропортом. Однако исследователи ставят под сомнение, что в Уганде на момент планирования проекта не было других более актуальных проектов, нуждающихся в финансировании, которые с большей пользой для общества могли бы задействовать почти что 500 млн. долларов в развивающемся государстве.¹⁶⁹

Итак, на примере двух различных инфраструктурных проектов, профинансированных Китаем в рамках инициативы пояса и пути мы можем видеть, насколько разноплановыми могут быть последствия китайских государственных инвестиций в Тропической Африке. С одной стороны, проект SGR в Кении дал мощный толчок для развития местной экономики, значительно улучшил качество жизни как непосредственных пользователей нового инфраструктурного объекта, так и тех, кто ощутил на себе эффект перелива. С другой стороны, мы можем видеть скоростную автомагистраль Энтеббе-Кампала, которая может считаться символом нерациональных растрат государственного бюджета и заемных средств на проекты, которые не приносят значимых социально-экономических изменений. Одна лишь принадлежность к инициативе пояса и пути не гарантирует общественную полезность реализуемого инфраструктурного проекта. Для того, чтобы стать успешным, такой проект должен принимать во внимание все особенности того государства, в котором он реализуется для того, чтобы избежать таких опасных последствий, как растрата бюджета, сверхзадолженность, урон окружающей среде и т.д.

3.3. Кейс китайских прямых инвестиций в рыбопромышленный сектор Западной Африки

В странах Западной Африки одной из важнейших отраслей экономики является рыболовство. Традиционно ловля рыбы осуществлялась местным населением в малых объемах и с применением небольших лодок. Благодаря поступлению в регион прямых иностранных инвестиций, помимо местных рыбаков, в районе появились более крупные рыболовные суда, принадлежащие частным иностранным компаниям, большинство из которых китайские. Более того, ввиду дешевизны факторов производства, китайцами в

¹⁶⁹ Calabrese, L. Making the Belt and Road Initiative work for Africa // ODI. – 2019. – URL: <https://odi.org/en/insights/making-the-belt-and-road-initiative-work-for-africa/> (дата обращения: 15.04.2021)

Западной Африке строятся также заводы по первичной переработке рыбы, продукты производства которых затем экспортируются через порты.¹⁷⁰ Китайское присутствие в данном секторе оказывает неоднозначное влияние как на социально-экономическое положение местного населения, так и на экологическую ситуацию.

Согласно исследованиям, китайское присутствие в секторе рыбной промышленности в Сьерра-Леоне негативно влияет на благосостояние местных рыбаков. Несмотря на то, что в прибрежных водах страны в деятельность по вылову рыбы вовлечены многие иностранные государства, китайские суда составляют две трети всех рыболовных судов в регионе. Использование ими технологии рыбной ловли, при которой два судна-траулера на расстоянии 300-400 м друг от друга тянут за собой одну рыболовную сеть, является разрушительным и приводит к быстрому истощению местной фауны. Помимо экологических последствий, это негативно влияет на благосостояние местных рыбаков, чей улов также снижается. В Сьерра-Леоне данный метод вылова рыбы запрещен. Однако используя слабость местной системы надзора, которая на протяжении многих лет не в состоянии привлечь к ответственности хотя бы один экипаж, нарушающий правила, китайские суда (с преимущественно китайской командой на борту) нелегально используют запрещенный метод для повышения эффективности своей работы.¹⁷¹

Другой пример влияния китайского бизнеса на рыбную промышленность в Африке говорит о двояких последствиях сотрудничества. Китайские производства в Западной Африке становятся важнейшим элементом глобальных цепочек поставок рыбной продукции конечным потребителям. Китайские фабрики по производству так называемой рыбной муки – кормового продукта, потребляемого рыбными фермами в Китае и производимого той же рыбной промышленностью в Африке – расположенные вдоль береговой линии таких западноафриканских стран как Мавритания, Сенегал, Гамбия и Гвинея-Бисау, зачатую сбрасывают отходы производства в океан, загрязняя таким образом прибрежные воды и истощая местную фауну.¹⁷² Помимо собственно экологического ущерба, это приводит к ухудшению экономического положения местного населения,

¹⁷⁰ Green, M. Ocean Shock: Fishmeal factories plunder Africa // Reuters. – 2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-oceans-tide-sardinella-specialreport-idUSKCN1N420W> (дата обращения: 20.04.2021)

¹⁷¹ Adams, P. Is China's fishing fleet taking all of West Africa's fish? // BBC. – 2019. - <https://www.bbc.com/news/av/world-africa-47698314> (дата обращения: 30.04.2021)

¹⁷² Assessments of marine fisheries resources in West Africa with emphasis on small pelagics // Fisheries Centre Research Reports. – 2020. - P.89. – URL: [https://s3-us-west-2.amazonaws.com/legacy.seaaroundus/researcher/dpauly/PDF/2020/Reports/FCRR+28\(4\)Assessments+of+marine+fisheries+resources+in+West+Africa+with+emphasis+on+small+pelagics.pdf](https://s3-us-west-2.amazonaws.com/legacy.seaaroundus/researcher/dpauly/PDF/2020/Reports/FCRR+28(4)Assessments+of+marine+fisheries+resources+in+West+Africa+with+emphasis+on+small+pelagics.pdf) (дата обращения: 07.05.2021)

основным занятием которого является рыбная ловля. Экологический ущерб и увеличившаяся конкуренция является вызовом, осложняющим его жизнь. Более того, по мнению главы Ассоциации малого рыболовного бизнеса Сенегала, по причине массового вылова и климатических изменений через несколько лет популяция видов, которые являются сырьем для производства рыбной муки, может практически исчезнуть в регионе, что приведет к закрытию фабрик по производству рыбной муки.¹⁷³ Таким образом, уход китайских фабрик в ближайшем будущем оставит за собой несколько повышенный уровень безработицы и ухудшившееся экономическое положение местного населения по причине сворачивания производства и истощения главного ресурса, являющегося основным источником заработка местного населения.

С другой же стороны, присутствие китайских фирм способствует развитию инфраструктуры в тех населенных пунктах, под юрисдикцией которых находятся их фабрики. Например, китайская фабрика по производству рыбной муки Golden Lead в гамбийском городе Гунжур спонсировала реновацию местной школы и делала пожертвования на проведение местных религиозных праздников, а также обеспечила некоторое количество гамбийцев работой. Это, однако, не снизило уровень возмущенности местных жителей тем экологическим ущербом, который она наносит, сливая отходы в океан.¹⁷⁴ В подобных ситуациях логично было бы предположить, что местные чиновники закрывают глаза на множественные нарушения в обмен на взятки. Некоторые случаи дачи взяток фиксируются в ходе журналистских расследований. Например, коррупция, скорее всего, стала причиной того, что, несмотря на арест 32 рыболовных судов, нарушивших соответствующее законодательство Гамбии с 2018 по 2020 годы, не был инициирован ни один судебный процесс в этой связи.¹⁷⁵ На локальном же уровне владельцы китайских производств пытаются задобрить жителей такими действительно нужными, но относительно недорогими и ограниченными по масштабу проектами как новые дороги, периодические пожертвования и т.д.

¹⁷³ Green, M. Ocean Shock: Fishmeal factories plunder Africa // Reuters. – 2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-oceans-tide-sardinella-specialreport-idUSKCN1N420W> (дата обращения: 20.04.2021)

¹⁷⁴ Urbina, I. The factories turning West Africa's fish into powder // BBC Future. – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20210323-the-factories-turning-west-africas-fish-into-powder> (дата обращения: 10.05.2021)

¹⁷⁵ Darboe, M. K. 'This one I'll share with my minister': Fresh bribery scandal hits Fisheries Ministry // Malagen. – 2020. – URL: <https://malagen.com/investigations/this-one-ill-share-with-my-minister-fresh-bribery-scandal-hits-fisheries-ministry/> (дата обращения: 11.05.2021)

Патрульными службами на борту китайских рыболовных судов часто фиксируются нарушения ведения документации. Это осложняет учет объема вылова и, соответственно, его влияния на общую популяцию морской фауны. Также частыми являются нарушения условий проживания рядовых членов экипажа на борту, которыми, в отличие от китайских капитанов, как правило, являются африканцы. Что касается работы на фабриках по производству рыбной муки, таких как Golden Lead, они создают достаточно ограниченное количество новых рабочих мест ввиду простоты производственного процесса и высокого уровня автоматизации, а условия труда тех немногочисленных сотрудников на фабриках являются совершенно неприемлемыми.¹⁷⁶

Еще один тип нарушений, допускаемых китайскими рыболовными компаниями в Западной Африке также ухудшает экономическое и экологическое положение в регионе. В Гане, несмотря на запрет любого частного владения промышленными траулерами, согласно исследованию Environmental Justice Foundation (EJF), более 90% рыболовного флота связано с китайским капиталом.¹⁷⁷ В прибрежных водах Ганы китайские рыболовные суда принимают участие в деятельности под названием «сайко». «Сайко» – это нелегальная торговля с местным населением приловом рыбы, непригодным для дальнейшей крупномасштабной продажи. Как правило, отсортировав ту рыбу, которая непригодна для продажи, рыбаки выбрасывают ее за борт, однако в портах Ганы Эльмина, Аксим и Апам китайские рыболовы продают ее местным торговцам, которые в дальнейшем перепродают ее бедному населению на городских рынках.¹⁷⁸ Когда подобная активность была распространена в мелких масштабах, это не приносило ущерба ни местной экономике, ни местной экологии. Однако со временем, осознав выгоды от такой торговли, рыболовы на китайских траулерах стали целенаправленно вылавливать те виды рыбы, которые торгуются в рамках «сайко», используя при этом запрещенные законом методы. Более того, запрет «сайко» действует на наднациональном уровне – в рамках Регионального комитета

¹⁷⁶ Urbina, I. The factories turning West Africa's fish into powder // BBC Future. – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20210323-the-factories-turning-west-africas-fish-into-powder> (дата обращения: 10.05.2021)

¹⁷⁷ Shining a Light: EJF's Investigation into the Devastating Impacts of Illegal Saiko Fishing in Ghana // Environmental Justice Foundation. – 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gc3-1vj6QPw> (дата обращения: 10.05.2021)

¹⁷⁸ Mpoano, H. Stolen at Sea: How illegal 'saiko' fishing is fuelling the collapse of Ghana's fisheries // Environmental Justice Foundation. - 2019. - P.14 – URL: https://ejfoundation.org/resources/downloads/Stolen-at-sea_06_2019.pdf (дата обращения: 09.05.2021)

по рыболовству в Гвинейском заливе, в состав которого, помимо Ганы, входят Либерия, Кот-д'Ивуар, Того, Бенин и Нигерия.¹⁷⁹

Интенсификация данной деятельности имела ряд негативных последствий. Во-первых, значительно увеличился вылов мелкой рыбы, что представляет опасность для местной экосистемы и негативно влияет на весь рыболовный промысел в регионе. Во-вторых, сокращение популяции водной фауны стало причиной снижения улова у использующих традиционные методы местных рыбаков, для которых этот вид деятельности является основным. В-третьих, большое количество рыбы, поступающее на местные продовольственные рынки, обвалило цены на данный товар, что еще больше сократило выручку ганских рыболовов. Нужно отметить, что доля домохозяйств в Гане, которые живут за счет заработка с рыбной ловли, достигает 10% от всего населения страны.¹⁸⁰ Следовательно, незаконная деятельность китайских траулеров оказывает негативное влияние на экономическое положение значительной доли населения всей страны, а также может стать причиной необратимых экологических последствий, которые в свою очередь также ухудшат условия жизни населения Ганы.

Помимо этого, многие китайские суда, получив штраф за «сайко», отказываются платить его, однако их лицензия все же обновляется, что позволяет продолжить вылов рыбы, в том числе и для продажи в рамках «сайко».¹⁸¹ Так, было подсчитано, что государство недополучило более 10 млн. долларов штрафов за нарушения правил рыбной ловли траулерами, принадлежащими китайским компаниям, а по причине заниженных относительно других стран региона цен на лицензии Гана теряет от 14,4 до 23,7 млн. долларов ежегодно. Коррупция является одной из важнейших причин таких потерь.¹⁸²

Итак, три кейса из западноафриканских Сьерра-Леоне, Гамбии и Ганы иллюстрируют, как с целью извлечения сверхприбыли китайские частные компании

¹⁷⁹ Convention on Minimum Requirements for Access to the Fishery Resources of the Area of the Fisheries Committee for the West Central Gulf of Guinea (FCWC) // Fisheries Committee for the West Central Gulf of Guinea. – 2013. – Art. 16(2) and (3). – URL: <https://fcwc-fish.org/download/3089/institutional-documents/5492/convention-on-minimum-requirements-for-access-to-the-fisheries-resources.pdf> (дата обращения: 09.05.2021)

¹⁸⁰ The Problem with “saiko”: An Ecological and Human Catastrophe // Securing Sustainable Fisheries. – 2017. – URL: https://henmpoano.org/wp-content/uploads/2018/06/Saiko-briefing-Ghana-HM_EJF.pdf (дата обращения: 01.05.2021)

¹⁸¹ Trawler Re-Arrested in Ghana for Repeated Illegal Fishing Crimes after Refusing to Pay Fine // Environmental Justice Foundation. – 2020. – URL: <https://ejfoundation.org/news-media/notorious-trawler-re-arrested-in-ghana-for-repeated-illegal-fishing-crimes-after-refusing-to-pay-fine> (дата обращения: 02.05.2021)

¹⁸² Браун, С. Доклад EJF: китайские компании манипулируют рыболовными лицензиями в Гане // Organized Crime and Corruption Reporting Project. – 2021. – URL: <https://www.occrp.org/ru/daily/14133-report-chinese-fishing-companies-cheat-fishing-license-in-ghana> (дата обращения: 13.05.2021)

пользуются слабостью местных институтов, а именно их коррумпированностью и неспособностью обеспечивать соблюдение законодательства, что вредит как местной экологии, так и экономическому положению местного населения. Влияние таких компенсационных факторов, как, например, повышение уровня занятости местного населения или бюджетные поступления от штрафов и продажи лицензий, незначительно или же нивелируется за счет коррупции: местное население не получает практически ничего взамен за те ухудшения, которые приносит деятельность китайских компаний. Следовательно, исходя из примера китайских прямых инвестиций в рыбопромышленный сектор Западной Африки, мы можем сделать однозначный вывод о том, что китайское присутствие оказывает негативное влияние на экономическую ситуацию в странах Тропической Африки, что усугубляется ущербом, нанесенным окружающей среде, а положительное влияние на социальную составляющую является незначительным и не может компенсировать отрицательные стороны. Однако стоит отметить, что данная отчасти эксплуататорская деятельность представляет собой исключительно частные инициативы – стремление бизнеса извлечь максимальную прибыль при данных условиях. В ситуации, когда правительства африканских стран не способны принудить иностранный бизнес к социальной и экологической устойчивости, это приводит к провалам рынка, которые мы можем наблюдать в Западной Африке. Такие действия китайцев нельзя рассматривать как целенаправленную стратегию, реализуемую правительством Китая, которое бы координировало эксплуататорскую и разрушительную деятельность частных фирм. Отсутствие культуры корпоративной ответственности, подобной европейской, у китайских предпринимателей, а также отказ правительства Китая от тотального регулирования деятельности частных компаний за рубежом стали факторами, определившими эффект от китайских инвестиций в регионе.

Таким образом, несмотря на то, что различные капиталовложения различных китайских субъектов экономической деятельности зачастую приравниваются друг к другу и объединяются в одну широкую категорию «китайские инвестиции», частные и государственные китайские инвестиции, а также последствия их размещения в странах Тропической Африки имеют свою особую специфику, что требует рассматривать их по отдельности. Так, частные китайские инвестиции в странах Африки южнее Сахары в меньшей степени подчиняются единой стратегии, которую китайское правительство может с легкостью диктовать подконтрольным финансовым институтам, таким как ФНБ или

государственные банки. Инвестиции частных компаний в основном размещаются в производственном секторе экономики страны-реципиента и создают ограниченное количество рабочих мест, в то же время оказывая давление на местный экономический и политический уклад, а также зачастую нанося вред окружающей среде. Это было продемонстрировано на примере все нарастающего присутствия китайских компаний, занимающихся рыбной ловлей в Западной Африке. С другой стороны, государственные инвестиции на данном этапе эволюции китайской внешнеэкономической стратегии тяготеют ко вложениям в инфраструктурные объекты, такие как морские порты, трубопроводы, автомобильные и железные дороги, аэропорты. При рациональной реализации таких инвестиционных проектов последствиями для развивающихся стран Тропической Африки будут повышение качества жизни, интенсификация внутренней и внешней торговли, новые рабочие места и, вероятно, большая долговая нагрузка. Все это было подтверждено примерами инициированных КНР инфраструктурных объектов в Уганде и Кении.

Заключение

Современная китайская политика в сфере инвестиций стала логическим следствием перехода к рыночным механизмам в экономике, заложенным в политике «реформ и открытости». Переживая невиданный экономический подъем и постепенно накапливая значительный объем средств благодаря хлынувшим иностранным инвестициям в 1980-1990-е гг., Китай начал массово экспортировать капитал за рубеж с целью его приумножения. Китайская инвестиционная политика за время своего существования претерпела ряд изменений. Сперва капиталовложения Китая за рубежом имели достаточно хаотичный характер, однако со временем они были упорядочены и приобрели форму стройной инвестиционной стратегии. Если изначально главным приоритетом китайского правительства было обеспечение энергетической безопасности, то на данный момент основной упор оно делает на инфраструктурные проекты по всему миру. Глобальная инфраструктурная инициатива пояса и пути, обеспечивающая интенсификацию экономических взаимодействий и усиление экономической интеграции в мире, является центральной для всей инвестиционной политики Китая на данный момент.

Уже на протяжении нескольких десятилетий страны Тропической Африки занимают особое место в системе внешнеэкономических приоритетов Китая. В разное время сотрудничество с ними позволяло Китаю удовлетворить свои потребности по части зарубежных инвестиций в те отрасли, которые он считал приоритетными для себя в определенный момент времени. Так, инвестиционные отношения между странами Африки южнее Сахары и Китаем эволюционировали вместе с инвестиционной стратегией КНР, что позволило африканским странам остаться его важнейшими партнерами. На современном этапе обеспечение Китая африканскими природными ресурсами не потеряло свою актуальность, однако на первый план вышло сотрудничество в сфере инфраструктурных проектов в рамках инициативы пояса и пути.

Китайские инвестиционные проекты оказывают весьма значительное влияние на те страны Тропической Африки, в которых они расположены. При этом, нужно различать частные и государственные источники финансирования этих проектов, ведь, как было показано выше, их влияние не одинаково. Так, частные китайские инвестиции, в большей мере сконцентрированные в производстве, способны создать ограниченное количество рабочих мест в странах Африки южнее Сахары и повысить производительность труда, притом оказывая сильное давление на местный экономический уклад. Несмотря на вклад в

общий рост экономик африканских стран, зачастую они приводят к усилению конкуренции на локальном рынке, которую не способны выдержать местные жители. Более того, без развитой корпоративной культуры китайские предприниматели в Тропической Африке склонны использовать слабость местных политических институтов и игнорировать местное экологическое и трудовое законодательство, а коррупция с их стороны еще больше истощает способность местных правительств обеспечивать соблюдение законов. Все эти процессы были проиллюстрированы кейсом присутствия китайского бизнеса в рыбопромышленной отрасли стран Западной Африки. Его деятельность едва ли имела хоть какие-то положительные последствия для местного населения.

Государственные инвестиции в свою очередь направляются в основном на финансирование инфраструктурных объектов в форме обычных или льготных кредитов. Завершенные проекты, такие как железные дороги, порты и автомагистрали, способны повысить качество транспорта в стране, создать значительное количество рабочих мест, повысить деловую активность в регионе и создать положительный эффект перелива. Среди негативных последствий нужно отметить сверхзадолженность, серьезность которой может усугубляться коррупцией на высшем уровне, которая приводит к неоправданному подорожанию проектов. Лишь тщательно спланированные и действительно нужные проекты могут принести реальные выгоды населению. Как было показано выше на примере кейсов из Восточной Африки, далеко не все инфраструктурные проекты, осуществляемые за китайские деньги и с помощью китайских строительных компаний, оправдывают те затраты, которые они предусматривают. Так, скоростная автомагистраль Энтеббе-Кампала может считаться провальным проектом для Уганды, выгоды от которого не были соразмерны тратам. Напротив, при разумном планировании и здравой оценке собственных возможностей по части обслуживания долга, финансируемые Китаем проекты в рамках инициативы пояса и пути, могут стать залогом долгосрочного экономического роста и благосостояния граждан. Хотя кейс железной дороги Найроби-Момбаса и не является примером образцовой выплаты долга китайским кредиторам, сама SGR демонстрирует, какие выгоды может получить страна от инвестиционного сотрудничества с Китаем.

Беспрецедентность китайского мегапроекта пояса и пути заставляет многих исследователей усомниться в истинности тех целей, которые официально оглашает Китай. Это вызывает волны обвинений в неоколониальной политике и эксплуатации слабых африканских стран. Бесспорно, благодаря тому, что китайское правительство имеет полный контроль над государственными инвестиционными проектами, такими как инициатива

пояса и пути, у Китая есть потенциал оказывать сильное влияние на те страны, в которые он инвестирует. Вопреки тому, что мы можем видеть четкие последствия от его инвестиций, нельзя однозначно сказать, что Китай проводит целенаправленную политику угнетения стран Тропической Африки посредством неравного сотрудничества. Сама возможность эксплуатации более слабых стран и злоупотребления экономической властью над ними не означает, что Китай непременно должен реализовать ее. Мнения расходятся относительно миролюбивости намерений и искренности Китая при инвестировании в страны Африки южнее Сахары. Что касается «долговых ловушек», являющихся камнем преткновения в этой дискуссии, на данный момент нет достаточных доказательств, чтобы опровергнуть или оправдать позицию о том, что Китай намеренно и системно вгоняет страны в долговые ямы. Новые исследования необходимы по этой теме для того, чтобы лучше понять сущность проблемы задолженности Китаю стран-участниц инициативы пояса и пути. Однако стоит помнить, что, вне зависимости от финансовой стороны вопроса, Китай оставляет за собой реальные инфраструктурные объекты, которые в той или иной мере улучшают жизнь местных жителей. Как сказал американский вице-адмирал Майкл Фрэнкен: «Китайцы могут остаться, а могут уйти, но железная дорога, которую они строят никуда не денется».¹⁸³

Современная инвестиционная политика Китая имеет разноплановый характер, и различные ее аспекты могут говорить в пользу применимости той или иной теории международных отношений. Например, положение о переходе прав на морские порты в случае неспособности выплачивать кредит в договорах о финансировании инфраструктурных проектов позволяет говорить о неправомерности таких договоров и о том, что Китай в духе неомарксизма эксплуатирует слабые государства, отбирая у них те инфраструктурные объекты, строительство которых он сам и навязал. С другой стороны, можно утверждать, что правительство Китая следует либеральной логике, когда принимает решение об отсрочке начала выплат по инфраструктурному кредиту, предоставленному Кении, из-за экономических трудностей, вызванных эпидемией коронавируса. В данной ситуации Китай явно искал взаимные долгосрочные выгоды, ради чего и отказался от права на своевременную выплату по кредиту. А тот факт, что Китай построил военно-морскую базу в Джибути можно интерпретировать как использование экономической инициативы

¹⁸³ Risberg, P. The Give-and-Take of BRI in Africa // New Perspectives. – 2019. – P.45. – URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/NewPerspectives_APRIL2019_Risberg.pdf (дата обращения: 03.05.2021)

пояса и пути для увеличения своего военно-политического преимущества и улучшения геополитических позиций в мире, что вписывается в реалистский дискурс о безопасности.

Таким образом, инвестиционная политика Китая в странах Тропической Африки не приводит к одинаковым последствиям во всех случаях, каждый из которых имеет свои особенные характеристики в зависимости от специфики инвестиционного проекта. Однако при разумном сотрудничестве такие проекты имеют большой потенциал принести значительные и долгосрочные выгоды как донорам, так и реципиентам инвестиций.

Источники и литература

Источники

1. 2013 Africa Trip. June 27 – July 2: President Obama's Trip // The White House. – 2013. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/africa-trip-2013> (дата обращения: 23.04.2021)
2. About CIC // China Investment Corporation. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/About_CIC/Who_We_Are.shtml (дата обращения: 03.05.2021)
3. Adams, P. Is China's fishing fleet taking all of West Africa's fish? // BBC. – 2019. - <https://www.bbc.com/news/av/world-africa-47698314> (дата обращения: 30.04.2021)
4. A brave new world: The climate for Chinese M&A abroad: Report from the Economist Intelligence Unit // The Economist - 2010. - URL: https://eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Brave%20new%20world.pdf?_ga=2.154666232.1722112026.1621603368-1274897219.1621242409 (дата обращения: 10.04.2021)
5. China holds back funding for latest Kenya railway phase // Global Construction Review: News. – 2018. – URL: <https://www.globalconstructionreview.com/news/china-holds-back-funding-latest-kenya-railway-phas/> (дата обращения: 14.04.2021)
6. China's State Administration of Foreign Exchange (SAFE) // SWFI. – 2021. – URL: <https://www.swfinstitute.org/profile/598cdaa60124e9fd2d05bd9b> (дата обращения: 24.03.2021)
7. Convention on Minimum Requirements for Access to the Fishery Resources of the Area of the Fisheries Committee for the West Central Gulf of Guinea (FCWC) // Fisheries Committee for the West Central Gulf of Guinea. – 2013. – Art. 16(2) and (3). – URL: <https://fcwc-fish.org/download/3089/institutional-documents/5492/convention-on-minimum-requirements-for-access-to-the-fisheries-resources.pdf> (дата обращения: 09.05.2021)
8. Darboe, M. K. 'This one I'll share with my minister': Fresh bribery scandal hits Fisheries Ministry // Malagen. – 2020. – URL: <https://malagen.com/investigations/this-one-ill-share-with-my-minister-fresh-bribery-scandal-hits-fisheries-ministry/> (дата обращения: 11.05.2021)
9. Data: Chinese Investment in Africa // China-Africa Research Initiative: Johns Hopkins School of Advanced International Studies. – 2021. – URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20in%20Africa%20Data,US%24%202.7%20billion%20in%202019.> (дата обращения: 29.04.2021)
10. Deng, Xiaoping. Opening speech at the 12th National Congress of the Communist Party of China // Selected Works of Deng Xiaoping, Volume III <1982-1992>. – 2010. - URL: https://cpcchina.chinadaily.com.cn/2010-10/20/content_13918249.htm (дата обращения: 14.05.2021)
11. 'Entebbe Expressway cost inflated by Shs55b' // Daily Monitor. – 2016. – URL: <https://www.monitor.co.ug/uganda/news/national/-entebbe-expressway-cost-inflated-by-shs55b--1674384> (дата обращения: 24.04.2021)
12. Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit / Liangyu. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm (дата обращения: 23.05.2021)
13. GDP growth (annual %) - China, United States, United Kingdom, Germany // The World Bank. - 2021. - URL:

- <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN-US-GB-DE> (дата обращения: 15.04.2021)
14. Green, M. Ocean Shock: Fishmeal factories plunder Africa // Reuters. – 2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-oceans-tide-sardinella-specialreport-idUSKCN1N420W> (дата обращения: 20.04.2021)
 15. Goals of the Belt and Road Initiative – and how to make it green / Belt and Road Initiative Quick Info // Green Belt and Road Initiative Center. – URL: <https://green-bri.org/belt-and-road-initiative-quick-info/> (дата обращения: 23.04.2021)
 16. Herbling, D. China Delays \$245 Million of Kenyan Government Debt Payments // Bloomberg. – 2021. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-20/china-allows-kenya-to-delay-245-million-jan-june-debt-payments> (дата обращения: 20.04.2021)
 17. Introduction // China-Africa Development Fund. – URL: <http://en.cadfund.com/Column/25/0.htm> (дата обращения: 30.04.2021)
 18. Investments: Portfolio Structure // China Investment Corporation. URL: http://www.china-inv.cn/chinainven/Investments/Portfolio_Management.shtml (дата обращения: 03.05.2021)
 19. Kenya to take over Chinese-operated rail line five years early // Global Construction Review: News. – 2021. – URL: <https://www.globalconstructionreview.com/news/kenya-take-over-chinese-operated-rail-line-five-ye/> (дата обращения: 15.04.2021)
 20. Members and Prospective Members of the Bank // Asian Infrastructure Investment Bank. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (дата обращения: 30.04.2021)
 21. The Problem with “saiko”: An Ecological and Human Catastrophe // Securing Sustainable Fisheries. – 2017. – URL: https://henmpoano.org/wp-content/uploads/2018/06/Saiko-briefing-Ghana-HM_EJF.pdf (дата обращения: 01.05.2021)
 22. Profiles // Belt and Road Portal. - URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=10076&cur_page=4 (дата обращения: 23.04.2021)
 23. SAFE Major Functions // State Administration of Foreign Exchange. – URL: <https://www.safe.gov.cn/en/MajorFunctions/index.html> (дата обращения: 01.05.2021)
 24. Secretary of State Rex W. Tillerson Remarks – U.S.-Africa Relations: A New Framework, George Mason University // U.S. Embassy in Senegal. – 2018. – URL: <https://sn.usembassy.gov/secretary-state-rex-w-tillerson-remarks-george-mason-university-march-6-2018/> (дата обращения: 23.04.2021)
 25. Shining a Light: EJF's Investigation into the Devastating Impacts of Illegal Saiko Fishing in Ghana // Environmental Justice Foundation. – 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gc3-1vj6QPw> (дата обращения: 10.05.2021)
 26. Trawler Re-Arrested in Ghana for Repeated Illegal Fishing Crimes after Refusing to Pay Fine // Environmental Justice Foundation. – 2020. – URL: <https://ejfoundation.org/news-media/notorious-trawler-re-arrested-in-ghana-for-repeated-illegal-fishing-crimes-after-refusing-to-pay-fine> (дата обращения: 02.05.2021)
 27. UNCTAD FDI database // UNCTAD. - 2016. - URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics.aspx> (дата обращения: 15.04.2021)
 28. UNCTAD World Investment Report 2003 // UNCTAD. - 2003. - URL: https://unctad.org/en/Docs/wir2003_en.pdf (дата обращения: 12.04.2021)

29. Urbina, I. The factories turning West Africa's fish into powder // BBC Future. – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20210323-the-factories-turning-west-africas-fish-into-powder> (дата обращения: 10.05.2021)
30. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development // UNCTAD - 2013. - URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf (дата обращения: 12.04.2021)
31. World Investment Report 2020: International Production Beyond Pandemic // United Nations Conference on Trade and Development. – 2020. – 268 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (дата обращения: 22.04.2021)
32. WTO Ministerial Conference approves China's accession: WTO News: 2001 Press Releases // World Trade Organization . – 2001. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres01_e/pr252_e.htm (дата обращения: 14.05.2021)
33. Xi Jinping visits three African countries 2013 // FOCAC Archives. – 2013. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zt/1/> (дата обращения: 23.04.2021)
34. Yao, N. Chinese FM to Visit Five African Countries in First Overseas Trip of 2017 // CGTN/ - 2017. - URL: https://news.cgtn.com/news/3d49544d3359544d/share_p.html (дата обращения: 14.04.2021)
35. 更好地实施“走出去”战略 // 国务院办公厅. - 2006. – URL: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm (дата обращения: 16.05.2021)
36. 中华人民共和国国家发展和改革委员会令第 11 号，公布《企业境外投资管理办法》 // 中华人民共和国商务部. – 2018. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/g/201803/20180302719303.shtml> (дата обращения: 13.05.2021)
37. Мозамбик: Профсоюз шокирован ужасными условиями труда на фабрике // Глобальный союз IndustriALL. – 2018. – URL: <http://www.industrialunion.org/ru/mozambik-profsoyuz-shokirovan-uzhasnymi-usloviyami-truda-na-fabrike> (дата обращения: 14.04.2021)
38. Способы организации международного производства, не связанные с участием в капитале, и развитие / Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию // UNCTAD. - 2011. - URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf> (дата обращения: 12.04.2021)

Литература

1. Acker, K. Brautigam, D. Twenty Years of Data on China's Africa Lending // China-Africa Research Initiative. - №4. – 2021. – 7 p. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/605cb1891cb0ff5747b12167/1616687497984/BP+4+-+Acker%2C+Brautigam+-+20+Years+of+Data+on+African+Lending.pdf> (дата обращения: 20.04.2021)
2. Africa's growing debt crisis: Who is the debt owed to? // Jubilee Debt Campaign. – 2018. – 24 p. – URL: https://jubileedebt.org.uk/wp/wp-content/uploads/2018/10/Who-is-Africa-debt-owed-to_10.18.pdf (дата обращения: 02.05.2021)

3. Africa's Infrastructure: Great Potential but Little Impact on Inclusive Growth / African Economic Outlook // African Development Bank Group. – 2018. – P. 63-70. - URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2018AEO/African_Economic_Outlook_2018_-_EN_Chapter3.pdf (дата обращения: 02.05.2021)
4. Albert, E. China in Africa // Council on Foreign Relations. - 2017. - URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa> (дата обращения: 15.04.2021)
5. Assessments of marine fisheries resources in West Africa with emphasis on small pelagics // Fisheries Centre Research Reports. – 2020. – 96 p. – URL: [https://s3-us-west-2.amazonaws.com/legacy.seaaroundus/researcher/dpauly/PDF/2020/Reports/FCRR+28\(4\)Assessments+of+marine+fisheries+resources+in+West+Africa+with+emphasis+on+small+pelagics.pdf](https://s3-us-west-2.amazonaws.com/legacy.seaaroundus/researcher/dpauly/PDF/2020/Reports/FCRR+28(4)Assessments+of+marine+fisheries+resources+in+West+Africa+with+emphasis+on+small+pelagics.pdf) (дата обращения: 07.05.2021)
6. The Belt and Road Initiative combines two initiatives // Belt and Road Initiative. – URL: <https://www.beltroad-initiative.com/belt-and-road/> (дата обращения: 20.05.2021)
7. Belt and Road 's impact on Kenya // CGTN America. – 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=4vwXkf5XKaQ> (дата обращения: 01.05.2021)
8. Biryabarema, E. Chinese-built expressway divides Uganda as debts mount // Reuters. – 2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-uganda-road-idINKBN1FK0V1> (дата обращения: 20.04.2021)
9. Brautigam, D. Xi Jinping Is Visiting Africa This Week. Here Is Why China Is Such a Popular Development Partner // The Washington Post. - 2018. - URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/07/24/xi-jinping-is-visiting-africa-this-weekheres-why-china-is-such-a-popular-development-partner/?utm_term=.7b42b1c360d1 (дата обращения: 15.04.2021)
10. Cabestan, J.P. China's Djibouti naval base increasing its power // East Asia Forum. – 2020. – URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/16/chinas-djibouti-naval-base-increasing-its-power/> (дата обращения: 16.04.2021)
11. Calabrese, L. Making the Belt and Road Initiative work for Africa // ODI. – 2019. – URL: <https://odi.org/en/insights/making-the-belt-and-road-initiative-work-for-africa/> (дата обращения: 15.04.2021)
12. Cabestan, J.P. China's Military Base in Djibouti: A Microcosm of China's Growing Competition with the United States and New Bipolarity // Journal of Contemporary China. – 2019. - P. 146. – URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2131/doi/pdf/10.1080/10670564.2019.1704994> (дата обращения: 06.05.2021)
13. Carrai, M. A. China's Adaptive Governance: A Tale of Two BRI Railroad Megaprojects in East Africa // SOAS University of London: China Institute. – 2021. – URL: <https://blogs.soas.ac.uk/china-institute/2021/01/19/a-tale-of-two-bri-railroad-megaprojects-in-east-africa/> (дата обращения: 16.04.2021)
14. Chao, X. FOCAC Beijing Summit Will Benefit China Nigeria Cooperation // This Day. - 2018. - URL: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2018/06/02/focac-beijing-summit-will-benefit-china-nigeria-cooperation/> (дата обращения: 13.04.2021)
15. Chen, J. Chinese strategy goes global and its role in the investment sphere of the country's oil and gas industry development // 9th International Conference "Science and Technology" SCIEURO. – 2017. – P. 59-64
16. Chen, W. Dollar, D. Heiwai, T. Why Is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level // The World Bank Economic Review. - № 32(3). – 2018. – P. 610-632

17. China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape // OECD. – 2018. – 44 p. - URL: <https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscape.pdf> (дата обращения: 27.04.2021)
18. China's Rules on Outbound Investment: Where Are We Now? // INS Global. – 2018. – URL: <https://ins-globalconsulting.com/chinas-rules-on-outbound-investment-where-are-we-now/> (дата обращения: 24.03.2021)
19. Chinese companies using majority of African workers in Africa // China Daily. – 2021. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202104/08/WS606ebca1a31024ad0bab4483.html> (дата обращения: 16.04.2021)
20. Chronology of China's Belt and Road Initiative / Xinhua // The State Council of the People's Republic of China. -2015. – URL: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2015/04/20/content_281475092566326.htm (дата обращения: 24.04.2021)
21. Chu, W. China Takes Global Number Two Outward FDI Slot: Hong Kong Remains the Preferred Service Platform // HKTDC Research. - 2016. - URL: <https://research.hktdc.com/en/article/MzY0MDk1MDE3> (дата обращения: 25.03.2021)
22. Davies, M. How China Is Influencing African Development: Background Paper for the Perspectives on Global Development 2010. Shifting Wealth // OECD Development Center. – 2010. – 32 p. - URL: <https://www.oecd.org/development/pgd/45068325.pdf> (дата обращения: 15.04.2021)
23. Davis, K. China's Foreign Investment Policy Reform: from incentives to modern rules: OECD report // OECD. - 2003. – 75 p. – URL: https://www.oecd.org/industry/inv/investment-policy/WP-2013_1.pdf (дата обращения: 24.04.2021)
24. Feature: Chinese-built expressway speeding up traffic to Uganda's gateway // Xinhua. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/15/c_137256494.htm (дата обращения: 19.04.2021)
25. Findt, K. Infrastructure and economic development: High potential in East Africa / Insight: The Global Infrastructure Magazine. Megaprojects // KPMG. - No. 4. – 2013. – P. 18-19. - URL: <https://home.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2013/02/insight-megaprojects.pdf>. (дата обращения: 20.04.2021)
26. Githaiga, N. M. Belt and Road Initiative in Africa: The Impact of Standard Gauge Railway in Kenya // Chins Report. - №3 - 2019. - P. 219-240
27. Githaiga, N.M. Burimaso, A. Wang Bing. Ahmed, S.M. The Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks for Africa's Connectivity // China Quarterly of International Strategic Studies. - Vol. 5, No. 1. – 2019. - P. 117-141
28. Halperin, S. Neocolonialism. Definition, Examples, & Facts // Britannica. – 2020. - URL: <https://www.britannica.com/topic/neocolonialism> (дата обращения: 15.05.2021)
29. Hanauer, L. Morris, L.J. Chinese Engagement in Africa: Drivers, Reactions, and Implications for U.S. Policy // National Security Research Division. – 2013. – 151 p. - URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR521/RAND_RR521.pdf (дата обращения: 25.04.2021)
30. Hu, D. You, K. Esiyok, B. Foreign direct investment among developing markets and its technological impact on host: Evidence from spatial analysis of Chinese investment in Africa // Technological Forecasting and Social Change. – Vol. 166. – 2021. – 21 p.
31. Hurley, J. Morris, S. Portelance, G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // Center for Global Development. – 2018. – P.

20. – URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf> (дата обращения: 01.05.2021)
32. Impact of the Standard Gauge Railway on the Economy // Soko Directory. – 2016. – URL: <https://sokodirectory.com/2016/03/impact-of-the-standard-gauge-railway-on-the-economy/> (дата обращения: 19.04.2021)
33. Kampala-Entebbe Expressway, Uganda // Road Traffic Technology. – 2021. – URL: <https://www.roadtraffic-technology.com/projects/kampala-entebbe-expressway-uganda/> (дата обращения: 20.04.2021)
34. Kimenyi, M.S. Lewis, Z.A. Routman, B. Introduction: Intra-African Trade in Context // Brookings Africa Growth Initiative. – 2011. – 5 p. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/01_intro_intra_african_trade.pdf (дата обращения: 30.04.2021)
35. Nantulya, P. Reshaping African Agency in China-Africa Relations // Africa Center for Strategic Studies. – 2021. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/reshaping-african-agency-china-africa-relations/> (дата обращения: 17.04.2021)
36. Marais, H. Labuschagne, J.-P. If you want to prosper, consider building roads: China's role in African infrastructure and capital projects // Deloitte. – 2019. – URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/industry/public-sector/china-investment-africa-infrastructure-development.html>. (дата обращения: 04.05.2021)
37. March, J. China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN. - 2018. - URL: <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html> (дата обращения: 12.04.2021)
38. Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand // Merics. – 2018. – URL: <https://merics.org/en/tracker/mapping-belt-and-road-initiative-where-we-stand> (дата обращения: 24.04.2021)
39. Mihai, I.-I. The evolution of sovereign wealth funds and their influence in the global economy. The case of China // Theoretical and Applied Economics. - Volume XX, 2013. - No. 5(582). - p. 93-106
40. Morgenthau, H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. / H.J. Morgenthau - New York: Alfred A. Knopf. - 1955. – 600 p.
41. Mroano, H. Stolen at Sea: How illegal 'saiko' fishing is fuelling the collapse of Ghana's fisheries // Environmental Justice Foundation. - 2019. – 32 p. – URL: https://ejfoundation.org/resources/downloads/Stolen-at-sea_06_2019.pdf (дата обращения: 09.05.2021)
42. Mukwaya, R. Mold, A. Modelling the economic impact of the China Belt and Road Initiative on East Africa // Conference: GTAP 21st Annual Conference on Global Economic Analysis. – 2018. – P.11
43. Olander, E. Kenya to Finally Extend the SGR to the Ugandan Border... Without Any Chinese Financing // The China-Africa Project. – 2021. – URL: <https://chinaafricaproject.com/2021/02/17/kenya-to-finally-extend-the-sgr-to-the-ugandan-border-without-any-chinese-financing/> (дата обращения: 23.04.2021)
44. Risberg, P. The Give-and-Take of BRI in Africa // New Perspectives. – 2019. – P.43-47. – URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/NewPerspectives_APRIL2019_Risberg.pdf (дата обращения: 03.05.2021)
45. Shinn, D.H. The Environmental Impact of China's Investment in Africa // Cornell International Law Journal. – Vol.49. - №1(1). – 2015. – P.40-42
46. Su, X. Why Chinese Infrastructure Loans in Africa Represent a Brand-New Type of Neocolonialism. How will African countries repay massive debts to China? // The Diplomat. – 2017. – URL: <https://thediplomat.com/2017/06/why-chinese-infrastructure-loans/>

- [loans-in-africa-represent-a-brand-new-type-of-neocolonialism/](#) (дата обращения: 10.04.2021)
47. Wafula, P. Exclusive: Behind the SGR walls // The Standard. – 2018. – URL: <https://www.standardmedia.co.ke/counties/article/2001287119/behind-the-sgr-walls> (дата обращения: 24.04.2021)
 48. Waltz, K. Theory of International Politics. / K. Waltz. – New York. - 1979. – 256 p.
 49. Wang, K. Huang, M. Tang, X. China's NDRC Issued New Outbound Investment Rules // China Law Insight. - 2018. – URL: https://www.chinalawinsight.com/2018/01/articles/foreign-investment/chinas-ndrc-issued-new-outbound-investment-rules/#_ftn1 (дата обращения: 17.05.2021)
 50. Wang, X. Ruet, J. Richet, X. One Belt One Road and the reconfiguration of China-EU relations // HAL. – 2017. – 17 p. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01499020/document> (дата обращения: 15.04.2021)
 51. Wohlforth, W. Realism // The oxford Handbook of International Relations / Ed. By C. Reus-Smit, D. Snidal. – New York: Oxford University Press/ - URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199219322.001.0001/oxfordhb-9780199219322> (дата обращения: 12.04.2021)
 52. Амираев, Р. Неомарксистская концепция мировой политики // Наука и новые технологии. – 2010. – №6. – С. 182
 53. Бажанов, Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. – 351 с.
 54. Баринов, А. Э. О роли Китая в африканском регионе, в условиях усиления интеграционных процессов // Финансы и кредит. – 2008. – №31(319). – С. 50-57
 55. Браун, С. Доклад EJF: китайские компании манипулируют рыболовными лицензиями в Гане // Organized Crime and Corruption Reporting Project. – 2021. – URL: <https://www.occrp.org/ru/daily/14133-report-chinese-fishing-companies-cheat-fishing-license-in-ghana> (дата обращения: 13.05.2021)
 56. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ) // Сводный каталог периодики библиотек России. – 2006. – URL: <http://ucpr.arbicon.ru/bink95.html> (дата обращения: 20.04.2021)
 57. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной; [вступ. ст. Г. Дерлутьяна]. - М.: Территория будущего, 2006. - 247 с.
 58. Вахрушев, Ю.П. Основы теории международных отношений: Учеб-метод. комплекс. – 3-е изд., перераб. и доп. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 102 с.
 59. Дегтерев, Д. Китай-Африка: важные аспекты отношений // МЭиМО. – 2005 – № 5. – С. 84-91
 60. Дейч, Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №5. – С. 119-141
 61. Дудник, Е. М. Эффективность вложений фонда национального благосостояния Китая // Конкурентоспособность территорий: материалы XIX Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. – 2016. – С. 14-17
 62. Игнаткин, О. Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. – 2013. - № 21 (122). - С. 74-82
 63. Изгарская, А. А. Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала) // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2008. - №2. – С. 96-101

64. Исираилова, А. Т. Марксизм (неомарксизм) в контексте международных отношений // Известия вузов (Кыргызстан). – 2014. - №6. – С. 185-187
65. Кандалинцев, В.Г. Сравнительный анализ ПИИ Китая, Индии и Японии // Восточная аналитика. - 2012. - с. 97-100
66. Кодачигов, Р. В. Дудник, Е. М. Опыт Китая по эффективному использованию средств фонда национального благосостояния // Инновационная экономика. – 2016. - №3(8).
67. Кодачигов, Р. В. Дудник, Е. М. Особенности инвестиционной деятельности фондов национального благосостояния Китая // Экономика, социология, право. – 2016. – №5. – С. 26-30
68. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма: популярный очерк. - М.: Политиздат, 1984. - 136 с.
69. Макеев, Ю.А. История успеха, или привлечение прямых иностранных инвестиций в Китай // Рынок ценных бумаг. – 2003. – № 13 – 143 с.
70. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / Пер. М.Бакунина. — СПб: Лань, 2013. — 28 с.
71. Михайловский, В. С. Неомарксизм вчера, сегодня, завтра // Социология (Белорусский государственный университет). – 2015. – №4. – С. 37-43
72. Михайловский, В.С. Неомарксистский категориальный аппарат политических исследований: генезис и содержание // ВЕСНИК БДУ. – 2014. – №3. – С. 88-92
73. Мунчаев, С. Хазанов, А. «Россия и Китай: уроки реформ». - М: Институт востоковедения РАН, РГЭУ им Г.В. Плеханова, 2000. – 128 с.
74. Нагиев, А. И. Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №4. – С.15-21
75. Никитина, С.В. Динамика инвестиционной политики в Китае // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – №21. – С. 6-15
76. Неолиберализм в международных отношениях // spravochnick.ru: электронный ресурс - URL: https://spravochnick.ru/politologiya/neoliberalizm_v_mezhdunarodnyh_otnosheniyah/ (дата обращения: 14.04.2021)
77. Панченко, М. Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис, 2009. - № 5. – С. 6–17
78. Парадигмы и направления ТМО // libraryno.ru: электронный ресурс. – 2013. - URL: http://libraryno.ru/1-2-paradigmy-i-napravleniya-tmo-2013_istoriya_meghdunar_otn/ (дата обращения 13.04.2021)
79. Пашенкова, Н. Смирнова, Е. Китай в международном экспорте капитала // Мировое и Национальное хозяйство. – 2014. - №4(31). – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-04/kitaj-v-mezhdunarodnom-dvizhenii-kapitala> (дата обращения: 30.04.2021)
80. Плотников, А. Ю. Инвестиционная политика Китая в контексте послевоенного экономического развития страны // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №4(52). – С. 29-32
81. Проценко, Н. Зачем Китай вкладывает деньги в самые бедные страны мира // Взгляд - 2018, 26 ноября. -URL: <https://vz.ru/world/2018/11/26/951440.html> (дата обращения: 05.04.2021)
82. Самусенко, Д. Н. Инвестиционные стратегии китайских транснациональных корпораций // Экономические отношения. – 2018. – №2. – С. 193-206

83. Сапожникова, Е.Ю. Роль иностранных прямых инвестиций в экономике Китая // Право РФ и КНР электронный ресурс. - 2010. - URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/InvestCN/005/20051119220924_9917566.htm (дата обращения: 12.04.2021)
84. Сетов, Н. Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник МГУ. - 2012. - №2. - С. 28-32
85. Тавровский, Ю. В. Политика «реформ и открытости» Китая и «возрождение нации» // Перспективы. Электронный журнал. - 2018. - URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_reform_i_otkrytosti_kitaja_i_vozrozhdenije_nacii_2018-11-13.htm (дата обращения: 15.04.2021)
86. Томберг, Р. И. Китайско-африканские отношения: ресурсы и политика // Вопросы новой экономики. - 2010. - №4(16). - С. 69-79
87. Томберг, Р. И. КНР – Африка: экономические связи // Азия и Африка сегодня. - 2011. - №7(648). - С. 58-63
88. Хуан, Ю. Почему торговый баланс США с Китаем не так уж важен // Московский центр Карнеги. - 2017. - URL: <https://carnegie.ru/2017/04/14/ru-pub-68674> (дата обращения: 15.04.2021)
89. Цокиев, С. Р. Китайские инвестиции в Африке // Вестник ИЖГТУ им. М. Т. Калашникова. - 2013. - №1. - С. 50-52
90. Цыганков, П. А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. - 2004. - №2. - С. 119-130
91. Цыганков, П. А. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. - М.: Гардарики, 2002. - С. 72–88
92. Чи, С. Жилина, Л. Н. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. - 2012. - №1(14). - С. 14-21
93. Шабага, А. В. Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник РУДН. - 2015. - № 3. - С. 24–33
94. Шаповалова, А.М. Кочетов, Р.Г. Вагина, В.О. Международная политика. Основные теории международных отношений // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2015. - № 7-5. - С. 106-107